

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ
ПОЛДНЯ
ДО РАСПЛАТЫ

Миры Доставки

Юрий Иванович

Полдня до расплаты

«ЭКСМО»

2008

Иванович Ю.

Полдня до расплаты / Ю. Иванович — «Эксмо», 2008 — (Миры Доставки)

Изолированные от всей остальной Галактики гаибсы нерушимо стоят на страже собственных границ. При этом лелея и усиливая в себе ненависть к остальному человечеству. Некоторые гаибсы не хотят признавать разумным любое другое существо, отличное от них. А уж преступники из соседней Цейлеранской империи, приговоренные к казни, для них хуже животных. Только вот не всегда под приговор попадают по-настоящему виновные... Бывшие граждане империи не хотят мириться со своей незавидной участью. И пытаются оставаться людьми в любой ситуации. Правда, ситуации эти смертельные и выжить в них даже теоретически почти невозможно. Но все-таки остается еще это «почти», и есть гаибсы, которые хотят изменить существующее положение вещей...

© Иванович Ю., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	21
Глава третья	37
Глава четвертая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Юрий Иванович

Полдня до расплаты

Пролог

На экране мелькали заключительные кадры фильма. Рут, легендарный воин расы гаибсов, ударом ноги выбивает дверь в рубку космического челнока и косит врагов свинцом из древнего стрелкового оружия. Его лицо, осеняемое вспышками выстрелов, хоть и вымазано копотью и сажей, но выглядит величественно в своей беспощадности и осознанной, праведной мести. Когда грохот стихает и дым рассеивается, Рут заносит в рубку свою прекрасную возлюбленную и бережно усаживает на место штурмана. Сам деловито садится в капитанское кресло и дает команду «старт». Убегающая в космос камера сопровождает рвущийся к свободе челнок, на заднем плане вспыхивает громадное облако взрыва. Астероид, недавнее прибежище самых заклятых врагов гаибсов, исчезает из пространства с помощью заранее заложенных мин с часовым механизмом. Теперь погони бояться нечего, и счастливая суженая Рута благодарно склоняется к нему. Их губы сливаются в продолжительном и страстном поцелуе. Зритель с удовольствием вытирает набежавшую слезу, мешающую читать выплывавшие на экран титры...

Изображение исчезло, и в зале постепенно загорелся яркий свет. Продюсер Кацки с довольным видом похлопал своего соседа по плечу:

– Замечательно! Просто потрясающе! Я теперь совершенно уверен, что правильно сделал, когда доверил вам режиссировать эту легендарную эпопею. Лучше вас никому не справиться с такими героическими и патриотическими сценами. Вот только вы как-то нерадостно смотрите. Чем недовольны, друг мой? Или что-то в личной жизни не так?

Сидящий с ним рядом в ложе режиссер дернул лохматыми бровями и тяжело вздохнул:

– В личной жизни как раз все прекрасно: дети здоровы, жена опять благополучно забеременела...

– Тогда вам ничто не помешает приступить к работе над остальными сценами. Судя по тем, которые мы уже просмотрели, они у вас тоже получатся на высшем уровне.

– А вот в этом-то я и не уверен. – Режиссер почесал выступающую вперед нижнюю челюсть, покрытую длинной щетиной. – Хочу вас разочаровать: многочисленные сцены с червяками мне совершенно не нравятся. Просматривая уже готовые кадры, я чуть не выл от бешенства и бессилия.

– Очень странно, Мердок! – Продюсер кивнул в сторону экрана. – Когда я просмотрел один из монтажей, мне очень понравилось.

– Да бросьте вы, Кацки! – прорычал режиссер, вскочил с кресла и заходил по небольшой ложе из угла в угол. – Неужели вам понравились наши актеры, загримированные под червяков?! По-вашему, у них есть хоть какое-то сходство с теми тощими и несуразными фигурами?! А эта скользкая и гладкая резина, призванная сделать лицо гаибса похожим на лицо червяка?! Да она же исключает элементарную актерскую игру! Мимика совершенно отсутствует! Когда они чуть пошире открывают рот, становится даже смешно от их попыток выглядеть как наши проклятые враги. Я просто в шоке! Нельзя создать шедевр с подобными актерами. Мы же однозначно погубим и испохабим такой замечательный и дорогой сценарий! Неужели вам это неясно?!

Продюсер миролюбиво выставил обе руки вперед, пытаясь успокоить разошедшегося собеседника. Когда Мердок замолчал, Кацки признался:

– Честно говоря, мне тоже видны явные несоответствия в гриме... Но не можем же мы все это делать с помощью компьютера! В фильме и без того будет использовано много монтированного материала. Да и зритель прекрасно понимает, кого изображают актеры.

– Вот именно: понимает! А надо, чтобы зритель прочувствовал! Чтобы его пробрало до основания от ненависти к нашим извечным врагам! Надо, чтобы он поверил, что Рут сражается не с коллегами по актерскому ремеслу, а с подлыми и жестокими червяками, уничтожившими тысячи и тысячи наших сограждан! – Мердок опять заметался словно тигр в клетке.

Кацки задумчиво оперся на руку подбородком и после паузы предложил:

– А может, создать несколько роботов с необходимой внешностью?

– Еще лучше! Да нас даже дети засмеют на премьере! А уж взрослые гаибсы уйдут после первых десяти минут, даже реклама не поможет.

– Хорошо, вам все не нравится! Тогда, может, у вас есть какие-то идеи на этот счет? Уж я – то вас знаю, Мердок, вы заранее все продумываете и взвешиваете. Если готовы, выкладывайте свои соображения!

– Готов! – Режиссер резко остановился и сжался, как перед прыжком. – Для того чтобы наш фильм выглядел как можно более реалистичным, предлагаю привлечь к съемкам настоящих червяков. Тогда все будет натурально и на высшем уровне!

– Да вы в своем уме?! – воскликнул Кацки. – Где же я вам найду таких актеров? Между нашими районами Галактики уже давно жесткий мир с категорическим обещанием полного невмешательства в дела друг друга. Ни один корабль под страхом смерти не залетает в нейтральную зону, опасаясь даже небольшого случайного столкновения. Перемирие очень шаткое, и дипломатические миссии отсутствуют полностью. А пролететь из нашего Отрога в другие районы Галактики мимо Цейлеранской империи невозможно. Даже если бы и были контакты между нами и имперскими червяками, вряд ли их актеры захотели бы сниматься в подобном позорном для себя фильме.

– Да я и не говорю об их поганных актерах! – прорычал режиссер.

– А! Кажется, я вас понимаю! – обрадовался продюсер. – Вы хотите использовать тех червяков, которые еще кое-где находятся в рабстве и являются собственностью плантаторов и лесоводов?

– Еще чего! – Мердок фыркнул от возмущения. – Да эти недоноски выглядят как побитые собаки! На них противно смотреть! И уж тем более своим видом они не вызовут у обывателей страха и ненависти.

– Кого же вы тогда хотите? – в недоумении спросил Кацки.

– Я хочу свежих червяков! Диких и непокоренных! С огнем ненависти в глазах и с жадой убийства на их безволосых харях! Самых жестоких и подлых, полных отщепенцев и отморожков даже среди своих соплеменников!

– Но где я их вам возьму? Да еще и таких свирепых, будоражащих воображение обывателя? Запросы у вас, знаете ли!

– Где? – переспросил режиссер, опять останавливаясь и подходя вплотную к продюсеру. – Есть один вариант. И стоит он будет совсем недорого.

Затем он пригнулся к уху собеседника и зашептал что-то скороговоркой. Через несколько минут режиссер отстранился и выжидательно уставился на Кацки. Тот задумчиво покачал головой, но губы сами собой разошлись в хитрой улыбке.

– А как быть с ними потом, по окончании съемок?

– Пообещаем свободу за полное сотрудничество и помощь, но будем их понемногу использовать в заключительных сценах справедливого возмездия. Натуральней и не придумаешь! Настоящая, горячая кровь будет брызгать из них фонтанами. И качество я вам обещаю отличное! А уж кассовым фильм станет непременно. И будет наилучшим, войдя во все исторические анналы. Я уже все продумал до мелочей.

– Да уж, вы неистощимы на выдумки и новые идеи! – Продюсер Кацки встал и поправил модную, с блестящими геологическими вставками куртку на своих широких плечах. – Конечно,

надо все тщательно обдумать и организовать, но уже сейчас заявляю, что согласен. Приступайте к заказу немедленно! С нюансами разберемся по ходу дела.

– Я верил в вашу мудрость! – воскликнул режиссер и впервые за время разговора улыбнулся, продемонстрировав свои прекрасные, крепкие клыки. – И мы действительно создадим уникальнейший шедевр киноискусства!

Глава первая

Четвертые сутки полета подходили к концу. Скоро тюремный глайдер развернется основными дюзами вперед и начнет торможение. А потом...

Об этом «потом» лучше не думать, но мысли постоянно возвращались к недалекому будущему, в котором было только одно – смерть.

Нет, смерти Николай Матеус не боялся. Иначе бы никогда не пошел служить в боевые соединения имперского космодесанта. Он не раз уже видел смерть своих товарищей, смерть своих братьев по шеренге. Но одно дело умереть в бою, а совсем другое вот так: преданным, униженным и несправедливо осужденным. Все друзья знали Николая как человека с неиссякаемым оптимизмом, который никогда, даже в самые тяжкие минуты лишений и трудностей, не предавался унынию. Он верил до последнего, что несутся к нему обвинения с него снимут, справедливость восторжествует, а истинные виновники понесут заслуженное наказание. Но неделя пролетала за неделей, и вот настал день, когда военный суд вынес свой вердикт: виновен. Приговор: казнь через распластание. И когда его вместе с колонной других таких же смертников, закованных в кандалы, поместили в тюремный глайдер, наступила полная апатия и сознание сковало черным пессимизмом. А перед глазами постоянно крутилась одна и та же сцена.

Планета Вербена. Их батальон космопехоты почти месяц назад удачно подавил мятеж преступных сепаратистов и теперь поддерживал спокойствие на участке в несколько городов. Уже и дата завершения всей операции была назначена, ожидали лишь транспорты для вывода войск.

В тот трагический день, поздно вечером, лейтенант Матеус совершенно случайно вернулся в штаб за своей тетрадью с личными записями. Хотелось несколько часов после отбоя полежать на кровати, сделать кое-какие заметки о последних событиях. В своем кабинете он быстро выдвинул ящик стола, взял тетрадь и заложил за обшлаг парадного мундира. Дверь за собой он закрыл тихонько, поскольку заметил, что в кабинете майора, их командира, горит свет и раздаются громкие голоса. Ни один военный в такой момент не рискнет попадаться на глаза рассерженному командованию. И Николай на цыпочках поспешил в конец темного коридора, к лестнице, ведущей вниз, на первый этаж. В штабе в это время никого уже не было: лишь дневальный внизу у входа да у ворот дежурное отделение караула в бронированном блокаде.

Но когда доносившаяся громкая ругань перешла в истерический крик, а затем раздалось несколько автоматных выстрелов, Николай стал действовать без промедления. Он метнулся к кабинету своего командира и без стука распахнул дверь.

Картина предстала перед глазами та еще. На полу в луже крови лежал с простреленной шеей полковник разведки из штаба округа, а непосредственный командир лейтенанта, майор Далемис, поспешно обшаривал карманы трупа.

Нападать на командира Матеусу и в голову не пришло. Он только успел воскликнуть: «Что произошло?!» – как в следующий момент майор схватил лежащий в стороне автомат и, еще только поднимая ствол, уже нажал на спусковой крючок.

Николай по праву считался передовым бойцом своего батальона. Его тело действовало лучше, чем компактный боевой автомат последней модели. Пули только начали крошить полотно закрывающейся двери, а в майора Далемиса уже летел метко запущенный стул. Ствол модернизированного оружия резко дернулся влево за метнувшейся тенью лейтенанта, перемалывая в щепки письменные столы, но и стул достиг своей цели. После его удара очередь сразу же прошла пластиковые плиты потолка. А в следующее мгновение новые выстрелы опять наполнили небольшую комнату грохотом. Но Николай уже был рядом и на всей скорости врезался в майора. Тот тоже слыл весьма крепким орешком: даже в падении он не выпустил

автомат и, не переставая стрелять, умудрился вскочить на ноги. Но Матеус уже крепко держал взбесившегося командира со спины одним из своих знаменитых захватов. Какая-то часть сознания, не участвующая в сватке, подсказывала: убивать нельзя, брать только живым!

Как майор ухитрился вырваться из захвата, Матеус так и не понял, но в следующее мгновение пришлось выбивать своему командиру коленную чашечку, хватать за ствол автомата, изрыгающий огонь, и, заворачивая его кверху, наносить ребром ладони ломающий удар по пальцам. Последний удар получился невероятно жестоким и сильным. Левая рука майора переломилась у основания кисти, словно деревянный веер, короткий автомат задрался круто вверх, и последняя пуля разорвала левое плечо командира батальона. По трагической случайности пуля в магазине оказалась хоть и последней, но не менее смертельной, чем остальные.

Майор был еще жив, когда раздался топот караульных и они ворвались в развороченный пулями кабинет. Матеус всеми силами пытался остановить кровь, вытекающую из плеча майора, но тот, видимо, прекрасно осознавал приближение смерти. И уже деревенеющими губами, но вполне четко проговорил склонившимся к нему караульным:

– Мы с полковником зашли и застали Матеуса копавшимся в сейфе. Мы пытались его остановить... задержать... но он нас... убил.

И умер.

А сейф действительно был нараспашку...

Суд не нашел показания Матеуса достойными внимания и доверия. Вражды, как и повода для нее, между полковником и майором тоже не отыскивали. Никаких улик против майора не обнаружили, как и против полковника. Был только найден в кабинете мини-передатчик, который транслировал звук и изображение всего происшедшего. Но где и кто принимал передачу – так и не докопались. А ведь только это могло спасти обвиняемого лейтенанта.

Как ему ни помогали друзья и боевые товарищи, как ни заступались некоторые вышестоящие командиры, как ни требовали адвокаты пересмотра дела – приговор оставили в силе. Распластание!

Страшная казнь... Но еще страшнее несправедливое обвинение, поруганная честь настоящего воина и запятнанное имя кристально честного человека.

И вот подходил к концу четвертый день. Тюремный глайдер вынырнул из Лунманского прыжка и шел на маршевых двигателях. Наверняка красный карлик уже прекрасно виден на экранах обзорных локаторов. Но смертникам такого удовольствия не положено, хотя и содержали их, к удивлению даже бывалых уголовников, вполне прилично.

– Ужин!

Герметичные, из тонких листов титана, створки отсека разошлись в стороны, и несколько дежурных по камбузу повезли по проходу между двумя общими камерами тележки с большими кастрюлями. Одни раздавали пищу женщинам, другие – мужчинам. И первые, и вторые блюда выкладывались в продолговатые коробочки из непромокаемого картона, которые легко проходили между прутьев решетки. Из такого же картона были сделаны и разовые ложки.

За конвоирами следовали два старших охранника с готовыми для стрельбы парализаторами, причем установлено оружие было на болевом режиме. Если кто-то из смертников отказывался от еды или пытался отобрать порцию у сокамерника, то тут же получал парализующий разряд в нижнюю часть тела. А ходить после этого несколько часов под себя не хотелось даже смертникам. Поэтому все ели безропотно и неспешно, тщательно вычищая «тарелки».

Вообще, это было немного странно. Ведь если рассуждать логически, какая кому разница, как будет себя чувствовать смертник перед казнью – сытым или голодным? Но старший охранник в первый же день пути огласил:

– Нам наплевать на вас! Вы преступники! Но мы-то не звери и не желаем потерять самоуважение. Мы не хотим даже сомневаться в своей человечности. Понятно, что человечность не заключается в сострадании к таким подонкам, как вы! Но долг для нас превыше всего. И мы ни

на секунду не перестанем выполнять возложенные на нас обязанности – до последней минуты и последнего параграфа нашего служебного расписания. А за непослушание имеем право и будем наказывать. Болью! Очень сильной болью! Каждый раз, когда кто-нибудь из вас позволит себе нарушение дисциплины, мы не задумываясь будем применять оружие. Положено вам есть – ешьте. Положено спать – спите. А если хоть кто-то нанесет телесный вред своему сокамернику, распну на дыбе и буду каждый час постреливать в самые болезненные места. Хоть женщину, хоть мужчину.

Поначалу даже Николай Матеус не обратил внимания на эти высокопарные слова. Пребывая в мрачной апатии, он намеревался не есть все эти дни перед казнью, чтобы потом с большим равнодушием встретить свой печальный конец. Но первый же болевой удар парализатора по ногам заставил его в дальнейшем съедать все выданное до последней крошки.

Отморозков, привыкших калечить своих товарищей по несчастью в камерных потасовках, здесь хватало, и многие пытались навязать свою волю окружающим силой и наглостью. Однако особо строптивые скоро успокоились, причем не только среди женщин, которым по природе полагалось вести себя спокойно, но и среди мужчин. И спрятаться было нельзя от справедливого наказания, потому что все происходящее в двух общих камерах фиксировалось в корабельной памяти. Утром старший охранник с полным равнодушием просматривал неприглядные сцены, выявлял виновных и недрогнувшей рукой производил выстрел – в первый раз целясь ниже колен, второй уже по коленям. А в третий раз, если нарушители продолжали упорствовать, стрелял прямо в живот или чуть ниже. На четвертую порцию пока никто не напросился.

Вот и сейчас все ели, настороженно поглядывая на середину отсека и прекрасно понимая: этот ужин последний. Дальше им оставят только сухой паек, сбросят отсек на красный карлик, и только тогда поднимутся решетки, разделяющие обе камеры – мужскую и женскую – друг от друга. Именно этот момент и ожидался большинством смертников со скотским вождением. Полсуток падения – последние часы жизни для всего, что удастся получить от этой жизни. Отпетые преступники мечтали оторваться друг на друге, удовлетворяя свои самые низменные инстинкты. Вакханалия ожидалась с зубовным скрежетом как с одной, так и с другой стороны. Самые сильные особи открыто и вслух уже давно выбрали себе жертвы для насилия, и, к сожалению, женщины в этом жутком деле собирались бороться на равных с мужчинами.

Все несколько дней последнего космического путешествия Николай прислушивался к хвастливым рассказам и унылым жалобам других смертников лишь краем уха. Ему было на них наплевать. Он ни минуты не сомневался: все находящиеся здесь заслужили своей смерти! Все, кроме него, естественно. Но теперь в лейтенанте проснулось неожиданное любопытство, и он стал анализировать услышанные рассказы, сохранившиеся в его феноменальной памяти, рассматривая своих сокамерников и сопоставляя с имеющейся у него информацией.

Вот они – преступники Цейлеранской империи, именами которых последние месяцы пестрели сводки новостей и газетные заголовки. У этих отбросов человечества на лицах, обезображенных сейчас страхом предстоящей казни, явно написано: «Убивал, убиваю и убивать буду».

Самый жуткий среди них – бывший граф Гайс – устраивал охоту на похищенных детей в своем поместье. Его подручные – друзья Мерка и Сакус – любили преследовать своих малолетних жертв со старинными луками и музейными копьями. А вон то изворотливое существо с бегающими, косоватыми глазками – Соляк. Он наловчился похищать детей и целые семьи на другом континенте своей планеты и порой продавал графу деток вместе с несчастными матерями. Что творили кровожадные охотники с этими безумевшими женщинами – и представить трудно.

Среди женщин-уголовниц особой агрессивностью отличалась Метакса. Она даже громко заявила, что первым изнасилует именно Николая Матеуса: слишком он ей понравился.

А то, что он космодесантник, вызывало с ее стороны лишь новые насмешки. И надеялась она на себя небезосновательно: Метакса и по весу, и по комплекции превосходила приговоренного к казни лейтенанта, а по боевому опыту считалась одной из самых сильных претенденток на чемпионское звание этого года в боях без правил. Да и раньше пару раз эта груда мышц уже становилась абсолютной чемпионкой Цейлеранской империи. До столкновения с законом ей жилось лучше всех, но непомерная жадность подвела любимицу извращенной публики: Метакса решила урвать слишком много. Без лишних укоров совести передумала, как цыплят, нескольких крупных воротил игрового бизнеса вместе со всей охраной и набила деньгами два огромных чемодана. Только вот со своими трофеями скрыться так и не успела.

Рядом с ней сидит Гилана. Тоже легендарная личность: убивала крупных дельцов теневого бизнеса. Хотя Матеусу так и не было понятно, каких именно и по чьему заказу. Гилана пообещала сделать после поднятия решетки хоть что-то хорошее: изнасиловать Соляка. «Голубчик, я тебя так приласкаю, так приласкаю...» – авторитетно заявила она в самом начале путешествия. Говорила наемная убийца сквозь зубы, да и глаза ее слишком уж странно блестя, так что вряд ли этот косоглазый доживет до распластания...

А вот Ларта, забившаяся в самый угол, действительно достойна некоторой жалости – в том смысле, что она совершила преступление непреднамеренно. Правда, жалости весьма относительной – из-за ее ротозейства погиб целый эшелон с пассажирами. И не просто ротозейства, а, как доказал суд, преступной халатности. Прозвище к ней сразу же приклеилось соответствующее – Стрелочница. Ее, кстати, в последние часы жизни вознамерился «ублажать» самый главный ублюдок: бывший граф Гайс. Видимо, запал на миловидную мордашку Ларты.

Матеус сместился чуть в сторону, пытаясь рассмотреть женскую фигурку как можно лучше. «Может, вырубить эту дылду Метаксу, – подумал он, – успокоить графа, а самому... просто поговорить с Лартой о жизни? Или, точнее сказать, о последних часах этой жизни?..»

Двадцать девять мужчин и двадцать две женщины. Пятьдесят один человек, не желающие, но определенно заслуживающие смерти. Николай привычно вычеркнул себя из этого числа, но тут же понуро уронил голову на грудь. Заслужил! Несомненно, заслужил. Уже хотя бы тем, что смирился с приближающейся смертью. Забыл о своей честности, благородстве и бескорыстии. Пусть его обвинили несправедливо, но ведь он знает, что невиновен! Значит, должен последнюю минуту встретить с гордо поднятой головой, поддерживая справедливость и защищая слабых. Ну, может, и не совсем слабых или злокозненно обиженных, но хоть какую-то видимость справедливости поддерживать надо.

Николай резко встал и принялся ходить вдоль решетки, разминая затекшие мышцы. Тут же послышался насмешливый голос Мерки, дружка звероподобного Гайса:

– Смотрите! Наш вояка вспомнил, что пропустил утреннюю зарядку.

После отдельных смешков рявкнула баском и Метакса:

– Дорогой, побереги силенки для ублажения моего тела. Или ты хочешь порадовать наших друзей неповторимым шоу и оттянуть время моего удовольствия? Сразу предупреждаю: если что не по мне – переломаю тебе вначале ноги. А потом вы вон с той курочкой на пару будете ублажать меня язычками.

Огромный толстый палец указал на сжавшуюся невзрачную женщину, истории которой Николай не помнил. Но поскольку ответного кивка от будущей жертвы не последовало, значит, надо защищать и ее.

– Метакса! Если ты хоть одно гнилое движение сделаешь после поднятия решеток, я тебе твой поганый язык засуну вместе с твоей тупой башкой в твою задницу навсегда!

– Вот это поза! – фыркнула Гилана. При этом она смотрела на краснеющую чемпионку по кровавым боям без всякого страха или уважения. А та моментально налилась бешенством и приклеилась горящим взглядом к Николаю:

– Тварь! Свинья! Тебе конец! И руки тебе переломаю! Сразу! Даже ползание на коленях теперь тебя не спасет!

Матеус же, наоборот, успокаивался все больше и больше.

– Ладно, кучка дерьма! – решительно и уверенно сказал он. – Можешь поболтать перед смертью. От силы час тебе остался...

Поток проклятий и оскорблений понесся от Метаксы с такой силой и яростью, что даже бывалые преступники закрутили головами от удивления. А Николай с полным презрением к ее брани дошел до конца камеры и уже повернулся, когда один из мужчин жестом попросил его о разговоре. Это был Станислав Города, заслуживший казнь за то, что поджег предприятие своего конкурента. Людей при этом погибло более полутора десятков, так что даже огромные средства не спасли предпринимателя-капиталиста от смертной казни. Сейчас Станислав явно решился о чем-то попросить. Но тем более удивительно прозвучало его предложение:

– Слушай, парень... если что, можешь надеяться на меня и трех моих товарищей. Поддержим. Не хочется умирать в паскудном бедламе. Хотим остаться людьми...

– Договорились! – благодарно кивнул Матеус, а затем, понизив голос, добавил: – Если сможете, прикройте мне спину со стороны Гайса и его ублюдков! – и продолжил свое движение вдоль решетки.

Естественно, до конца доверять такому скандально известному, изворотливому и хитрому преступнику, как Города, не стоило. Хотя как организатору, психологу и руководителю Станиславу не было равных во многих звездных системах. Вот и здесь за четыре дня он сумел организовать нечто вроде сплоченного кружка и с завидной уверенностью считал выбранных смертников своими товарищами. И с какой стати Николаю было отказываться от предложенной помощи? Наоборот, уже одно осознание того, что он неодинок в своих намерениях, приятно согревало душу лейтенанта. Действительно, не хочется умирать среди воплей и стонов в кровавой, мерзостной вакханалии.

Вскоре вновь раздался шум раздвигаемых переборок, и вошедшие интенданты принялись раздавать сухой паек и соки в пластиковых пакетах. В проходе показался также и корабельный священник в своем облачении, призывая верующих к покаянию. Как ни странно, но на этот милый анахронизм все-таки откликнулось два человека. Первым, со стороны мужчин, подошел к решетке Станислав Города, а потом, со стороны женщин – Гилана Баракси. Наемная убийца о чем-то долго и смиренно перешептывалась со священником.

Напоследок в проходе показался сам капитан глайдера и выступил с небольшой речью:

– Через двадцать минут мы вытолкнем этот отсек в открытый космос. Тем самым я выполняю приказ о вашей казни, данный мне правосудием Цейлеранской империи. Несколько часов после этого мы будем наблюдать за вашим ускорением к красному карлику. По расчетам ваша смерть наступит через двенадцать часов – от распластания при ударе о тело с высочайшей гравитационной массой. После соприкосновения с карликом с его поверхности не поднимется ни малейшего облачка, а небольшой кратер выровняется за несколько минут. Ваши тела будут распластаны толщиной в атом, И по заслугам! Попробуйте за оставшееся время осознать свою никчемность. Если же вам выпадет удача и вы пройдете реинкарнацию в другое тело, то постарайтесь прожить новую жизнь достойно и праведно.

– Да плевать я на тебя хотел, урод поганый! – вдруг истерически заорал Сакус. – И на твою жизнь правед...

Договорить он не успел. Стоявший позади капитана старший охранник вскинул парализатор, и детоубийца повалился на пол с животным мычанием.

«Одним скотом меньше!» – удовлетворенно подумал Николай. Хотя в преддверии предстоящей потасовки он предпочел бы иметь в отсеке парализованным Гайса, а еще лучше – Метаксу. Но те благоразумно помалкивали и явно не желали валяться на полу, как истерик Сакус.

Командир глайдера, словно не заметив инцидента, продолжил:

– Хотя большинство из вас, я уверен, так и не оценили бы предоставленного шанса и вновь закончили бы свою жизнь распластанием.

Обведя строгим взглядом всех заключенных, капитан остановил его на стонущем Сакусе:

– Из-за неуважения ко мне и плохого поведения этого отребья все остальные тоже будут наказаны.

Смертники опасливо попятнулись от решеток, вполне справедливо полагая, что и их тела сейчас получают болевые удары. Но ничего не произошло. Капитан развернулся и вышел. За ним поспешили и остальные члены экипажа. Створки входа тихо закрылись – теперь уже навсегда.

С минуту висело напряженное молчание. Его разорвал скрипучий голос Мерки:

– Что это он там плел по поводу наказания для всех?

– Не тывкай! – зло прикрикнул на него Гайс – Поживем – увидим.

Сбоку тут же послышалось плаксивое:

– Жить-то осталось всего ничего...

Присевший на корточки Соляк уже не вытирал текущие по щекам слезы. От его вида находящаяся через два ряда решетки Гилана залилась нервным смехом:

– Миленок! Не робей! У тебя еще будет несколько прекрасных часов в моих объятиях.

Гайс тоже хохотнул, глядя на своего бывшего соучастника преступлений. Он и слова не собирался сказать в его защиту, наоборот, оскорбительно подхватил:

– А наш Солячок как раз и любит жесткий, контактный и силовой секс. Ха-ха-ха!

Подавала голос и Метакса:

– Никто по зрелищности не превзойдет то представление, которое покажет собранное мною трио! – злобно заявила она.

Матеус тоже в долгу не остался:

– Как же ты сможешь что-то разглядеть, если твоя голова будет в твоей же заднице?

На этот раз смешки раздалась пусть и осторожные, но довольно многочисленные. Но их перекрыла ругань разошедшейся чемпионки боев без правил.

Каждый из смертников, хоть и прекрасно слышал разговор и ругательства в отсеке, гораздо внимательнее прислушивался к внешним шумам и звукам. Вот раздался далекий приглушенный скрежет – скорее всего, распахнулись створки внешней брони. Вот мягко качнуло весь отсек: космическая пустота ворвалась в трюм глайдера и вытолкнула пригодную для дыхания атмосферу. Вот стены и пол мелко завибрировали – железный гроб со смертниками двигался по направляющим к черной бездне. И наконец, весь отсек резко качнулся. Сброс! Пятьдесят один человек отправился свой последний путь, откуда нет возврата.

Шумный вздох отчаяния вырвался из десятков глоток, и даже взбешенная великанша на короткий момент примолкла. Но тут же яростно хлопнула в ладоши, пригнулась, словно на ринге, и уставилась на Николая Матеуса горящими от ненависти и похоти глазами. При этом четко и громко предупредила остальных смертников:

– Кто хоть пальцем тронет мою «курочку» в мое короткое отсутствие, потом без разговоров сверну тому шею!

Все тоже подобралось, пытаясь первыми уловить момент, когда решетки станут открываться.

Но произошло совершенно неожиданное, искусственная гравитация исчезла, и все оказались в полной невесомости. Проклятия, смех, вскрики и сдавленные стоны – все смешалось в один непонятный гомон. Но главной темой этого гомона были всеобщие проклятия в адрес сорвавшегося на истерику Сакуса. Не менее оскорбительные выкрики неслись и в сторону недостижимого капитана, который напоследок придумал для всех такое идиотское наказание.

В сложившейся ситуации наибольшее преимущество получили люди, прошедшие специальную боевую подготовку в невесомости. И Матеус как боец, безусловно, выдвигался на первое место. Но Николая больше всего озадачило совершенно другое обстоятельство. Пока все выражали свое отношение к Сакусу, капитану и невесомости, бывший лейтенант с изумлением смотрел на решетки: те так и оставались на своих местах. Самое непоколебимое правило подобных казней было нарушено! Зачем же тогда главный охранник распинался о своем долге и скрупулезном выполнении всех обязанностей?

Не прошло и пяти минут, как осознание случившегося навалилось и на остальных смертников. Почти неслышимый вздох облегчения меньшинства перекрыли разочарованные и возмущенные вопли большинства. Некоторые даже выкрикивали, что такого беззакония еще свет не видывал, а капитан тюремного глайдера и есть самый главный преступник современности. Самые сильные и агрессивные мужчины попробовали объединить усилия и «помочь» решетке подняться, но та отреагировала на это с железным равнодушием. И вот тогда самые оголтелые любители крови и насилия переключили свое внимание на ближайших соседей.

Первыми пострадали два молодых парня, которые с нездоровым интересом ожидали предстоящей вакханалии. Только вот по неопытности они не догадались подумать о собственной безопасности, – видимо, никакие представляли себя на месте жертв насилия. Но Гайс со своими приспешниками действовал решительно и быстро. По сигналу бывшего графа Мерка и разом подобравшийся Соляк схватили первого парня сзади, а Гайс провел мастерскую серию парализующих ударов По корпусу. Тело молодого смертника обмякло, словно тряпка, да так и перекрутилось в невесомости. Толчок – и оно плавно полетело в угол возле входа. Но не успело оно коснуться переборки, как такое же нападение было произведено на второго молодого парня. После этого детоубийца цинично огласил:

– Этими сосунками мы займемся немного позже. А когда удовлетворимся, отдадим остальным на потеху. Сейчас же я докажу некоторым козлам, что нехорошо дерзить таким людям, как я.

И он, перебирая прутья решетки, стал двигаться к дальнему углу отсека, где в основном сгруппировались те, кто сохранил в себе хоть остатки человечности. Мерка и Соляк неотступно следовали за своим шефом, а в косоватых глазах похитителя детей разгорался блеск предстоящей охоты с кровавым финалом.

Повинуясь властному призывному жесту, от остальной массы мужчин отделились пять угрюмых фигур самых отпетых уголовников и присоединились к нападающим убийцам. Четыре дня подлый, но дальновидный и привыкший перестраховываться Гайс тоже не терял времени даром. Он успел сколотить солидную группу единомышленников.

Цель их была ясна всем: Грэг Доминго. Огромный, добродушный крестьянский парень с первого же часа пребывания на глайдере не пришелся бывшему графу по вкусу. Но когда Гайс решил примерно наказать увальня, то сам получил такой сокрушительный хук в челюсть, что полчаса не мог прийти в нормальное состояние. А когда его взгляд просветлел и отыскал беззаботно ухмыляющегося Грэга, раздалась торжественная клятва:

– Доминго, ты до распластания не доживешь.

За тот инцидент крестьянин получил свой первый выстрел парализатора. Потом еще два – за последующие драки с подручными Гайса. Но и тем досталось за это шесть выстрелов в общей сумме. И вот теперь они горели желанием свернуть Грэгу Доминго шею – что в общем-то было проблематично не только из-за невесомости. На их пути встали Николай Матеус, Станислав Города и три его товарища.

На женской половине тем временем творилось нечто невообразимое. Первой кинулась ловить свою «курочку» Метакса. Но отсутствие гравитации почти сравняло их шансы, да и хилая с виду женщина оказалась довольно подвижной и верткой. Она с легкостью уворачивалась от расставленных ручищ чемпионки по борьбе, и та пролетала мимо и врезалась в стену,

словно блуждающий астероид. Но тут в дело вмешалось еще несколько садисток. Вначале они пытались выловить выбранных жертв поодиночке и самостоятельно, но потом объединили усилия и быстро достигли желаемого. Помогли выловить и «курочку».

Рычащая от бешенства Метакса принялась сдирать одежду со своей жертвы, но в конце этого действия девушке чудом удалось вырваться, и теперь она порхала по женской половине отсека совершенно голая. Это весьма раззадорило Метаксу и отвлекло внимание мужчин.

А вот знаменитая наемная убийца не принимала в потехе никакого участия. Может, без косоглазого Соляка ей стало скучно? Гилана закрепилась в своде купола за одну из панелей освещения и наблюдала за происходящим с непонятной отрешенностью. Почти ни одно кувыркающееся тело ее не задевало и не беспокоило: траектории полетов проходили гораздо ниже, между решеткой и переборками. Но от скрытого внимания Гиланы не ускользало ни одно движение в отсеке – на самом деле она с неослабевающим вниманием наблюдала за развитием драки на мужской половине.

– Эй, солдатик! Не корячься и уйди с дороги!

Николай плавал в воздухе, небрежно придерживаясь за прутья решетки, как раз на пути бывшего графа. Голос лейтенанта был тверд и решителен:

– Гайс! Вернись на место и спокойно дожидайся своего часа. Не торопи события.

– Вот ты как заговорил, солдатик! – оскалился в жуткой улыбке бывший граф. – А ведь на моем пути становиться нельзя.

– Да? Однако нашлись нормальные люди, которые прикрыли твой гнусный аттракцион смерти. Последнее предупреждение: угомонись!

Гайс плотней прижался к решетке, группируясь для прыжка:

– Я убивал за меньшее противодействие! И без всяких предупреждений.

Однако сам остался на месте. Зато трое угрюмых уголовников по его сигналу оттолкнулись от стены и веером понеслись на бывшего лейтенанта. Конечно, кое-какие понятия о том, как драться в невесомости, они имели, но куда им было до специально обученного лейтенанта имперской космопехоты! Им, правда, удалось оторвать Николая от решетки, и комок барахтающихся тел поплыл в сторону переборки, чем моментально воспользовался Гайс с остальными дружками. Но им ничего не светило: навстречу тоже метнулись пять фигур. И крестьянин Грэг оказался среди них не самым лучшим бойцом – гораздо лучше и эффектнее расправлялся с противниками Станислав Города, а его товарищи лишь помогали своему лидеру.

Из того клубка тел, который летел в сторону переборки, во все стороны веерами брызнули яркие капли крови и слюны. Одновременно с жутким хрустом ударов слышался треск раздираемой ткани и сдавленные крики. Последнего противника, который к тому времени еще пытался оказать сопротивление, Матеус попросту лихо развернул головой вперед и помог с ускорением поцеловаться с бездушным железом. Все три уголовника, обмякнув,плыли в разные стороны.

А Николай уже находился возле другой сражающейся группы и мастерски помог добить отчаянно сопротивлявшегося Гайса. Бывший граф получил от бывшего лейтенанта коленом в грудь и выбыл из дальнейших «соревнований на выживание» с переломом нескольких ребер.

Затем Матеус проделал еще несколько пируэтов по отсеку, отпугнул парочку уголовников, которые решили под шумок добраться до парализованных сосунков, и вернулся к новым товарищам подсчитывать потери. Их оказалось на удивление мало: две разбитые губы, один выбитый зуб, разорванное ухо и вывих плечевого сустава, в то время как восемь нападавших, судя по всему, не перестанут стонать и до распластания. Точнее, даже не восемь, а только семь: один уголовник приказал долго жить. Матеус от всей души, не сдерживая ярости, приложил каблуком ему в подбородок, и шейные позвонки не справились с таким ударом. Теперь тело плавало в невесомости с неестественно откинутой назад головой.

Соляку сломали руку и расквасили лицо. Мерка и один из уголовников до сих пор не приходили в сознание после плотного контакта своих лбов с железной решеткой. А остальные агрессоры, в том числе и звероподобный Гайс, стонали с переломанными ребрами и пытались стереть кровь с разбитых до неузнаваемости лиц.

Тем временем на женской половине веселье достигло своего апогея. Метакса снова поймала извивающуюся девушку и с садистским удовольствием начала ломать ей руки. Несчастная жертва завопила таким страшным голосом, что даже ее палач замерла на секунду, которой и воспользовался Николай, попытавшись остановить кошмарное насилие:

– Эй ты! Горка дерьма! Чего же ты издеваешься над самой слабой? Выбери себе соперника по плечу.

Метакса демонически захохотала и прокричала:

– Все мое время! И до них доберусь! Но первой меня будет удовлетворять моя курочка. Вот только я ей крылышки немного обкорнаю...

Сквозь возобновившиеся жуткие вопли послышался решительный голос Станислава Городо:

– Гилана! Ты ведь ненавидишь садистов! Останови эту тварь! Немедленно! Я тебя очень прошу!

Вряд ли кто поверил в уместность и реальность исполнения такой просьбы – и в первую очередь сама Метакса. Она и не подумала глянуть вверх. А зря! Гилана сорвалась со своего насеста, в плавном и расчетливом сальто достигла переборки, оттолкнулась от нее ногами и стремительной тенью пронеслась оставшиеся несколько метров. Каблук смертницы смачно впечатался в лоб кровавой чемпионки, и та моментально потеряла сознание. Огромное тело выронило свою жертву и, нелепо кувыряясь, соприкоснулось с железной решеткой. Да так на ней и зависло: ступня Метаксы проскочила между прутьями и закрепила бесчувственную тушу.

В тот же момент прекратили безобразничать и остальные уголовники-садистки. Гилана лишь проглотила их своим взглядом, и те постарались отдалиться от нее на максимальное расстояние. Затем наемная убийца стала оказывать помощь стонущей девушке. К ним тут же поспешила напуганная Ларта, на ходу собирая остатки одежды. На нее тоже успела наброситься одна из сексуально озабоченных уголовниц, и легендарная ротозейка теперь с трудом могла поведать о прекращении вакханалии.

Николай с уважением поклонился Станиславу и сказал:

– Ваше воззвание дошло по назначению.

Городо «подплыл» ближе, пытаясь оценить состояние пострадавшей, и пробормотал тихо, чтобы слышал только Матеус:

– Гилану Баракси многие до сих пор считают честнейшим человеком. А я тем более не ожидал увидеть ее среди этих смертников.

– Как же так? Ведь вина ее вроде доказана... Я совершенно не имел возможности следить за процессом, сам оказался на сковородке расследования.

– Вина, может, и доказана, но тут явно сошлись политические интересы империи, теневой экономики и продажных функционеров. Так что она обычная овца на заклание.

– Но ведь она убивала!

– Кого? – скептически фыркнул Станислав. – Дельцов от наркобизнеса. Почему? Да потому, что эту мразь и так надо уничтожать. Но империя, видишь ли, хочет остаться с незапятнанными кровью руками. А юридически под тех воротил тоже не подкопаешься. Вот и действует подставными фигурами. Вернее – пешками. А кто жалеет пешки в большой игре? Да никто! И теперь мы видим результат продажности: честный и принципиальный человек отправлен на казнь.

От услышанного Николаю почему-то стало неприятно. Что этот Городо мелет? Да так можно любого оправдать!

– Может, и вы невиновны? – спросил он чуть ли не с ненавистью.

О суде над промышленником-капиталистом он был хорошо наслышан, почитывал ежедневные бюллетени о ходе расследования. И сейчас сжал кулаки, готовясь наказать смертника за ложь, если тот осмелится возразить. Станислав это заметил, грустно усмехнулся, посмотрел Николаю прямо в глаза и стал рассказывать:

– Когда до смерти остается всего несколько часов, лгать даже самому себе бесполезно. Но самое главное то, что услышанная тобой правда теперь не повредит жизни моих самых близких и родных людей: жены и двух дочерей. Именно из-за них на суде я скрыл некоторые факты, утаил кое-какие улики и не стал изобличать моего конкурента в поджоге собственного предприятия. Я сделал это по той причине, что моя жена и дочери находились у этого негодяя в заложниках. И в случае моего неповиновения их обещали уничтожить.

Николай наморщил лоб, припоминая:

– Но ведь у вас нет ни жены, ни дочерей...

– Официально нет. Но я уже давно опасался готовящейся в мой адрес провокации и не регистрировал свой брак официально. Более того, мы всеми силами пытались скрывать наши отношения. Родилась двойня. Девочки росли в нашем уютном домике на окраине столицы, и мне показалось, что опасность обойдет нас стороной. Уже спланировали с женой, как без лишнего шума выйти в свет и провести официальную регистрацию брака, – и тут случилось это преступление. Если бы власти знали о моей семье, ее защитили бы, элементарно призвав жену в свидетели. А так мне просто не поверили, а когда поехали по указанному адресу, моих близких там уже не было. А потом мой конкурент передал мне жуткое сообщение и отрубленный, но узнаваемый палец моей жены. На нем был отчетливо заметен приметный шрам...

Городо шумно вздохнул и сглотнул набегающие слезы. Видимо, и его железная выдержка давала сбои. Лишь после продолжительной паузы он добавил:

– Их жизни для меня тысячекратно дороже моей...

Кулаки у Николая непроизвольно разжались. Действительно, все похоже на правду. Да и какой смысл этому человеку врать – в шаге от смерти? Но один вопрос все-таки вырвался:

– А почему вы уверены, что коварный конкурент готов сохранить жизнь ваших близких и в дальнейшем?

– Да потому, что моя жена приходится ему родной сестрой. И теперь уж он сумеет ее упрятать подальше и заставит молчать ради благополучия и безопасности наших дочурок.

– Ух, лихо закручено, – помотал головой Николай. Затем усмехнулся и задал вопрос, касающийся себя лично: – Может, вы еще и на меня оправдательные улики имеете?

– Откровенно говоря, почему-то уверен в вашей шпионской деятельности, – усмехнулся Станислав. – Но так и не знаю обо всех деталях. Может, расскажете?

– Да слишком долгая история...

– Ох, извините! – вежливо кивнул Городе – Раз уж вы уходите, то готов подождать до следующего раза.

Осознав несуразность своих сомнений, Матеус улыбнулся в ответ и без паузы начал рассказ, не понижая голоса – пусть и остальные желающие послушают. Когда он закончил, первой отозвалась с женской половины Гилана:

– Значит, у тебя была только одна надежда: найти записывающее устройство?

– Да если бы мне еще разрешили его искать! С адвокатами и то общался редко и коротко. А свиданий с друзьями дали всего несколько.

– Но хоть в двух словах поделись своей версией прошедшего, – не успокаивалась Гилана.

– У меня только одно объяснение. Полковник из разведки заподозрил майора в чем-то преступном и решил спровоцировать его на бурный скандал. Чтобы подстраховаться, где-то спрятал записывающее устройство, а в комнате разместил лишь передатчик. Да вот только разговор у них, видимо, зашел слишком далеко, раз майор решился на убийство. Что он искал на

теле полковника и как намеревался скрыться с места преступления, я понятия не имею. Если бы мне удалось захватить его живым... А так все поверили словам умирающего. Да и среди высшего командования всегда найдутся желающие списать свои просчеты на вездесущих шпионов и гнусных предателей. А может, кто-то тайно покрывал делишки майора. Записывающее устройство могли благополучно уничтожить, а дальше пустить следствие по вполне логической дорожке. Вот так... Хорошо, хоть мои родители не дожили до этого позора.

Слушатели задумались о перипетиях своих судеб, но тут решил «исповедаться» и Грэг Доминго. Правда, рассказ его был коротким:

– На меня этот сынок губернатора сам с ножом бросился. Я ему и врезал по плечу. Он покатился по склону оврага, а нож ему случайно в глаз попал. Свидетели появились лишь в момент моего удара... – Затем без всякого перехода спросил: – А давление перед распластанием сильно возрастет?

– Очень сильно, – грустно улыбнулся один из товарищей Станислава. – Но будет это так быстро, что никто и не заметит. По большому счету эта казнь не самая страшная. Только что ты был, а в следующее мгновение тебя не стало. Ни боли, ни судорог, ни мучений. Вот тем, кто смотрит со стороны, – им страшно. А нам...

В этот момент очнулась Метакса и стала судорожно дергаться, видимо не сразу осознав, что с ней случилось. Лишь спустя минуту, когда все уже начали посмеиваться над ее забавными телодвижениями, она ухватила руками за решетку и с недоумением воззрилась на свою ногу, застрявшую между прутьями. Недоуменное бормотание перешло в крик:

– Что такое? Как?! Какая тварь меня сюда засунула?! Эй вы! Ну-ка помогите мне!

Она извернулась всем телом и грозно уставилась на других смертниц. Гилана, находившаяся почти рядом, спокойно приказала:

– Молчать! А то и голову туда же засуну!

Метакса моментально все поняла, но от разрывающей ее злобы лишь зашипела:

– Ты-ы-ы! Ты-ы-ы!

В следующую секунду Гилана опять продемонстрировала свою феноменальную подвижность в невесомости. Чуть оттолкнувшись ногами от пола, она подлетела к решетке и, с помощью рук придав телу необходимое ускорение, впечатала свой каблук в центр солнечного сплетения Метаксы. Та сдавленно хрюкнула и на пять минут опять ушла в глубокий нокаут.

Николай со Станиславом переглянулись и одобрительно закивали.

– Вот это техника!

– Какая динамика движений!

– Не тело – пружина!

– Эта пружина тоже скоро распадется на атомы... – осмелился подать голос бывший граф Гайс.

– Зато сделает это с достаточным самоуважением и осознанием выполненного долга! – твердо произнесла Гилана.

– Не обращай внимания, – посоветовал ей Николай. – Если этот ублюдок еще раз вякнет, я ему еще пару ребер сломаю. Тогда и невесомость дышать не поможет.

Гайс попытался взглядом испепелить своего обидчика, но от непомерных усилий лишь захлебнулся собственной желчью. Глухо закашлялся, застонал, закрыл глаза и больше не проронил ни слова, хотя грудь его продолжала судорожно вздыматься.

Метакса снова стала приходить в себя. Кое-как отдышалась, восстановила дыхание и, ни на кого не глядя, принялась ожесточенно высвобождать свою ногу. Но от прежних повреждений лодыжка ощутимо распухла и ни на миллиметр не двигалась между прутьев. Что только чемпионка по борьбе не пробовала сняла обувь и носок, смачивала ногу слюной, взвизгивая от боли, тянула ногу руками и периодически с диким рычанием пыталась раздвинуть в стороны жесткие прутья. Путья слегка пружинили, и с помощью мужчин или хотя бы несколь-

ких своих приспешниц рано или поздно ей это удалось бы... Но никто не спешил к садистке на помощь, а если кто и подумывал об этом, благоразумно скрывал свои мысли – достаточно было взглянуть на застывшую неподалеку фигуру Гиланы. Наемная убийца, расположившись спиной к решетке, как будто медитировала. Но чуть приоткрытые глаза не позволяли ни одной из уголовниц чувствовать себя в безопасности.

Мужчины с некоторым облегчением вздохнули и вновь возобновили разговор. Конечно, не все, а лишь те, кто составил ядро нового товарищества.

– Что-то я перенервничал. – Озабоченный тон крестьянина заставил всех улыбнуться – И проголодался из-за этого. Может, перекусим?

Розданные смертникам пакеты с сухим пайком и соками имели намагниченную подошву и давно благополучно прилипли к потолку и переборкам, лишь несколько пакетов пострадало при недавней потасовке. Напоминание Грэга До-минго пришлось по душе его товарищам, и уже через минуту компания приступила к позднему ужину, а может, и к раннему завтраку. Жевали пищу не спеша, запивая соком и делясь подробностями своих историй. Товарищи капиталиста не скрывали своей вины, но в их словах чувствовалось искреннее раскаяние. Заодно и представились: звали их Крил, Освальд и Розен. Постепенно тон беседы становился все более доверительным, а настроение благодаря полным желудкам – благодушным.

Только вот Грэгу не сиделось на месте.

– А почему у нас не открыты иллюминаторы внешнего обзора? – спросил он с всегдашней крестьянской непосредственностью.

Николай, хорошо знавший историю и устройство космического оборудования, терпеливо объяснил:

– Раньше распластание снимали на видео до последнего момента. На поведение смертников напрямую влияло осознание приближающейся смерти. У самой поверхности карлика ужас и паника достигали своего апогея. Затем кто-то усмотрел в подобных записях нечто ненормальное и постыдное для нормальных людей. Съёмки запретили, иллюминаторы не открывают.

– А сами мы можем их открыть?

– Странный ты, Грэг! Ведь страшно будет!

– Ну и что! Мне хочется в последний раз на звезды посмотреть. На свет пусть и потухшего, но все-таки светила, да и на сам карлик, в конце концов.

Матеус задумался:

– Я бы тоже не отказался от последнего прощания с космосом. Но броня иллюминаторов открывается снаружи отсека, из ангара...

– Когда мы в глайдере, – напомнил Станислав. – А если в открытом космосе?

Николай с усилием вспоминал:

– В космосе? Вроде автоматически открываются... если выключить внутреннее освещение. Кажется...

– Все равно делать нечего! – оживленно проговорил Города и обратился к одному из своих товарищей: – Крил, ты ведь специалист по этим делам! Попробуй покопаться в наших плафонах.

Мужчина с сомнением взглянул на потолок:

– Попробовать действительно можно. Только... Может, кто против?

Судя по воцарившемуся в отсеке молчанию, возражающих не нашлось. Крил без раздумий взмыл к потолку, все остальные последовали за ним и общими усилиями принялись разбирать плафон: в ход пошли пуговицы, ногти и даже зубы. В итоге через десять минут связки проводов втянули внутрь насколько могли и приступили к их изучению. Но минут через пять Крил с грустью констатировал:

– Надо одновременно замкнуть провода и на другом куполе.

– Попробуем призвать к сотрудничеству. – Станислав плавно устремился к решетке: – Гилана, ты в проводке хоть немного разбираешься?

– Я? – на мгновение задумалась та и тут же сообщила: – Удавка из провода хорошая получается.

– Могу помочь, – вдруг несмело подала голос Стрелочница Ларта. Она уже давно прикрыла пострадавшую товарку обрывками собранной одежды и теперь с благодарностью и страхом поглядывала на их спасительницу. – Я ведь инженер-электронщик.

– Ну да, конечно! – оживился Крил, держащийся за провода. – Как же я забыл! Но как твое самочувствие?

– Все тело болит, – призналась женщина: борьба с уголовницей не прошла для нее бесследно. – Но ничего не сломано.

– Тогда найди себе помощников и разбирай плафон, мы тебе толкнем нашу самодельную отвертку из пряжки ремня.

Через полчаса начался интенсивный обмен техническими терминами. Приходилось уточнять цвет, сечение и при этом оголять провода в нужном месте. И лишь после окончательных согласований электронщики решились замкнуть провода – хотелось избежать ненужного риска остаться до распластания в полной темноте.

Освещение пару раз мигнуло и погасло. В тот же момент послышался скрежет открываемых бронированных заслонов, а в иллюминаторы нехотя вполз тусклый красноватый свет.

Так получилось, что оба смотровых окна мужской половины оказались прямо над карликом. Компания сгрудилась возле них и, позабыв обо всем, рассматривала приближающуюся смерть. Поэтому большинство мужчин вздрогнуло, когда с женской половины послышался встревоженно-радостный голос Гиланы:

– К нам приблизился незнакомый корабль! Очень странный, явно не имперский! Его трюм раскрывается... Вижу швартовочные модули!

А через секунду снаружи раздалось громкое шипение, стук магнитных присосок, и сразу же весь отсек плавно повело в сторону. Затем что-то заскрежетало, иллюминаторы оказались чем-то прикрыты, и... резко вернулась обычная гравитация.

Глава вторая

Одновременно с возобновившимся освещением все обитатели отсека попадали на пол. Послышались стоны из-за полученных ударов, но затем все помещение наполнилось взволнованным и радостным гомоном: появилась хоть призрачная, но надежда на спасение. Или хотя бы на отсрочку неминуемой гибели. Конечно, подобного случая при казнях распластанием еще ни разу не происходило, но большинство смертников втайне надеялись, что именно они стали избранниками судьбы и именно им скоро объявят о неожиданном помиловании.

Но как раз из-за отсутствия прецедента Николай Матеус и постарался сдержать свою радость. Разумеется, жить ему хотелось безумно. И еще минуту назад он бы прыгал до потолка и вопил от восторга, если бы казнь заменили пожизненной каторгой. Но что-то явно было не так.

Где тюремный глайдер? Ведь по всем правилам он должен был находиться на дальней орбите карлика четыре часа и только потом уйти в Лунманский прыжок. То есть наблюдать до тех пор, пока отсек не наберет критическую скорость и не проскочит так называемую «точку невозвращения». За ней уже никакой корабль не смог бы приблизиться к смертникам для стыковочного маневра. Никакие притановые щиты, отсекающие гравитацию, в непосредственной близости от потухшей звезды не спасали. Но четыре часа еще не прошло. Значит, глайдер или преждевременно ушел с места казни, или уничтожен.

Только эти две причины позволяют почти стопроцентно утверждать: их отсек беспрепятственно и бесцеремонно принял на борт незнакомый корабль! А что из того следует? Может, их кто-то и спас от казни, но как бы потом не пожалеть о такой добросердечности. Ведь каких только слухов не ходит по Галактике...

Общего оптимизма и неприкрытой радости не разделяли еще несколько человек в отсеке: задумчивое и напряженное выражение не покидало лиц Гиланы Баракси и Станислава Городе. Так же вела себя, как ни странно, и Метакса. Более того, чемпионка по борьбе, похоже, чего-то испугалась и теперь лежала на полу, изо всех сил прикидываясь ветошью. И скулеж, перемежающийся рычанием, совершенно прекратился. Николай отметил про себя этот странный факт: уж, казалось бы, чего больше можно бояться, чем распластания, да еще такой кровожадной садистке? Но тем не менее...

Время шло. Порой все замирали, напряженно прислушиваясь к редким доносящимся сквозь переборки звукам, но ничего существенного не происходило. Похоже, неизвестные спасители не торопились изучить начинку своей добычи. А может, им было не до того?

Морально ожившее большинство смертников вдруг почувствовало тягу к жизни, и как следствие началась новая борьба – теперь уже за продукты питания. Конечно, до крупных драк не доходило, но по всему отсеку вспыхивали мелкие стычки то за лишний пакет сока, то за упаковку с вяленным мясом. Пока пищи хватало, но вдруг их спасли от распластания лишь затем, чтобы наблюдать, как они будут умирать от голода? Кошмарная гипотеза, высказанная кем-то вслух, чуть не довела несколько человек до истерики. И только логичные и спокойные рассуждения Станислава Городе принесли в отсек желаемое спокойствие.

После этого Матеус стал подробно спрашивать Гилану о строении и особенностях неизвестного корабля. И чем подробнее наемная убийца описывала увиденное через иллюминатор, тем больше мрачнело лицо бывшего лейтенанта. Оказалось, что не только он разбирается в невероятном разнообразии галактических средств передвижения в пространстве. Все тот же специалист по электронике, один из товарищей Городе, не сдержавшись, выкрикнул со страхом:

– Это корабль гаибсов!

Станислав громко фыркнул, выражая свое сомнение:

– Крил, ты уверен?

– У меня дома полная коллекция моделей звездолетов и технических описаний к ним. Была... – тяжело вздохнул электронщик.

Теперь уже все взгляды скрестились на Николае, требуя подтверждения услышанного. Космический вояка печально кивнул:

– Похоже, так оно и есть.

Со всех сторон наперебой посыпались резкие вопросы и восклицания:

– Но как они здесь оказались?

– Ведь до границы далеко?

– Вот гиббоны проклятые!

– Разве мог этот корабль преодолеть двойной Барьер?

– Да сами гаибсы расстреливают своих же пиратов более безжалостно, чем наши пограничники!

– А ты видел? Своими глазами?

– Действительно, между собой эти гиббоны всегда договаряются.

– Но ведь это нарушение перемирия?

– Ты еще скажи: война началась!

– А мог кто-то просто прилететь за нами на трофейном корабле гаибсов?

– Не мог! Все корабли настроены на самоликвидацию в случае захвата. А в плен эти обезьяны никогда не сдавались.

Спор и интенсивный обмен мнениями продолжались еще долго: чуть ли не каждый находящийся в отсеке считал себя знатоком отношений между двумя расами.

Само собой, последние двадцать лет об опасном соседе в Цейлеранской империи постарались забыть полностью, словно извечного врага никогда и не существовало. Но подспудно каждый подданный сохранил в себе огонек ненависти к проклятым гаибсам и чутко вылавливал крохи информации в мутном потоке сплетен и слухов. Однако ничего конкретного о враге не знали даже большинство военных. Лишь изредка просачивались в средства массовой информации дебаты, ведущиеся в окружении императора, о непомерных расходах на поддержание Барьера. Того самого, который отделил две враждующие расы друг от друга. Причем со стороны гаибсов была сооружена аналогичная защита, что в итоге и назвали двойным Барьером.

Если рассматривать пространственное нахождение Цейлеранской империи, то она располагалась в самом дальнем, да еще и сильно вытянутом во внегалактическое пространство отростке. Этот отросток на всех звездных картах именовался как Перст Манекена. Еще до появления Союза Разума империя сумела нарастить милитаристские мускулы и укрепить экономически. Теперь она считалась одним из самых мощных и независимых политических объединений Галактики и врагов почти не имела. Почти...

Потому что в самом конце Перста Манекена, фактически на его ноге, находилось плотное звездное скопление, которое населяла раса гаибсов. Этот самый удаленный кусочек Галактики именовали официально Отрог Гаибсов. А неофициально – Хвост Гиббона. Дело в том, что гаибсы немного отличались от подавляющего большинства человекообразного населения Галактики – не очень, по сравнению с некоторыми расами, но до смешного обидно: у них сильно выдавалась вперед нижняя челюсть, на которой росла жесткая как проволока, щетина, а головы были совершенно лысыми. Причем женщины отличались от мужчин лишь отсутствием усов и более стройным телом. Хвостатыми, правда, гаибсы не были, но постоянные сравнения с обезьяноподобными животными сделали свое дело. К этой расе сразу приклеилось презрительно-насмешливое прозвище «гиббоны», и отношение к ним было соответствующее.

Это привело в конце концов к жестокой и кровопролитной войне. Несколько десятков лет Цейлеранская империя и республика Звездных Гаибсов вели беспощадные схватки с перемен-

ным успехом. Невзирая на свой огромный потенциал и лучшую техническую оснащенность, имперцам так и не удалось одержать решительную победу. А тут еще с тыла зашевелились потенциальные враги. Пришлось заключать перемирие. Вернее, война продолжилась, но уже не «холодная», а «ледяная». Потому что даже дипломатических миссий между двумя расами не существовало – только пустынное пространство и двойной Барьер.

А поскольку Перст Манекена окружало внегалактическое пространство с совершенно иными физическими законами, то Отрог Гаибсов оказался в полной изоляции от всего остального человечества. Лунманский прыжок вне Галактики не работал, а передвигаться в обход на нейтронно-кварцевых двигателях было полным нонсенсом: на дорогу только в одну сторону ушли бы долгие десятилетия. Кому нужна такая торговля? Тем более что гаибсы имели все необходимое для полноценной жизни и самообеспечения. Более того, у них был еще и уникальный Кометный Серпантин, в котором добывали невероятные химические элементы. Но об этой странной аномалии космоса знали и говорили в остальном мире очень мало.

Союз Разума пытался влиять на Цейлеранскую империю, уговаривая открыть гаибсам дорогу для общения с остальными человеческими расами. Но в ответ всегда слышался категорический отказ. Как ни странно, сами гаибсы тоже не стремились общаться с остальными «червяками», как они презрительно окрестили других человекоподобных, и вполне довольствовались создавшейся обстановкой. За последние четверть века не упоминалось ни одного случая нарушения ими границы. Может, эти данные скрывались от широкой общественности? А может, имперские пограничники плохо несли свою службу? Судя по случившемуся вмешательству в судьбу приговоренных к казни подданных империи – не исключено.

Хотя, естественно, существовало еще несколько возможных версий, которые и пытались обсудить смертники в ожидании дальнейших событий.

– По-моему, за нами давно наблюдают, – высказал свои соображения Крил на третьем часу тревожного ожидания. – Жаль, не можем этому помешать.

Действительно, все устройства наблюдения находились в коридоре между решетками.

– Если только они могут сделать это технически, – высказал свои сомнения Станислав, но Николай ему тут же возразил:

– С первого же мгновения их разъемы подключились к выводам нашего отсека. Однозначно.

– Но ведь технически это довольно сложно?

– Нет. Особенно если приготовиться заранее.

– И что из этого следует?

– Лишь то, что нас поджидали специально, – прошептал Николай. – Поэтому судьба глайдера, скорее всего, оказалась печальной.

– А меня больше интересует: куда мы направляемся? – спросил Станислав.

– Наверняка на Хвост Гиббона, – невесело усмехнулся Матеус – И вряд ли по этому поводу будут спрашивать наше мнение.

– А жаль, – довольно громко сказал Городе – Я бы очень хорошо заплатил, чтобы меня доставили в одно местечко в центре нашей Галактики...

Всем стало понятно, что он говорит это в расчете на то, что наблюдатели все прекрасно услышат. Николай решил поддержать игру нового товарища:

– Конечно! С твоими капиталами ты можешь купить десяток таких звездолетов со всеми потрохами. А может, это твои люди нас и спасли?

– Вряд ли. Ведь никто, кроме капитана тюремного глайдера, не знает, где именно будет проходить расплатание. Сколько этих красных карликов только в нашем Пальчике Манекена!

Почти все время молчавший Грэг Доминго высказал свои нехитрые соображения:

– Но если нас все-таки спасут твои люди, то ведь тебе нужны будут отчаянные помощники? Значит, мои кулаки весьма пригодятся! Тем более что я готов работать на тебя совершенно безвозмездно – за отменный харч и добротную одежду.

Мужской кружок нервно захихикал, и смех усилился после того, как бывший лейтенант имперской космопехоты вполне серьезно добавил:

– А я довольно неплохо варю макароны.

Понемногу обитатели отсека укладывались на пол и засыпали. Сказывались нервный стресс, полученный в преддверии казни, пережитая радость продолжающейся жизни и тяжесть в желудке после спешного поглощения раннего завтрака. Да и бессмысленное ожидание всех изрядно расслабило. И так было понятно, что захвативший их корабль гаибсов сразу же ушел в Лунманский прыжок и мог находиться в подпространстве весьма долгое время.

Шестеро мужчин тоже решили отдохнуть, для чего стали выбирать между собой вахтенного: бывший граф Гайс со своими подручными хоть и получил кровавую взбучку, но был способен на любую гадость. Да и среди остальных уголовников могли оказаться его затаившиеся единомышленники.

В этот момент и послышался шум раздвигаемых створок входа в отсек. Даже тяжело раненные вскочили на ноги и прильнули к решеткам, с нетерпением вглядываясь в темноту трюма и с замиранием сердца ожидая, кто же сейчас появится перед ними и что судьба готовит им в дальнейшем.

К всеобщему удивлению, первым в отсек въехал многопрофильный робот планетарной разведки. На гусеничном ходу, с несколькими радарам, массой излучателей, санитарных и боевых пушек и сканирующим медицинским оборудованием. Раз пять робот с грохотом проехался вплотную вдоль каждой из решеток, чудом не задев торчащую между прутьев ступню Метаксы. А затем замер ровно посередине прохода, оцетинившись парализаторами.

– Опасных вирусов не обнаружил, – высказала общее мнение одна из уголовниц. – Сифилис тоже отсутствует.

И только после этого под сдержанные смешки на пороге появился одетый в черный боевой мундир косморазведчика представитель расы гаибсов. Под два метра ростом, плотный, подтянутый, совершенно лысый, с красивыми огромными глазами зеленого цвета. Вполне приятную внешность и умный взгляд портили выдающаяся вперед челюсть с прямо торчащей пятисантиметровой щетиной и жуткий оскал. Изогнутые и раздвинутые чуть в стороны клыки заставляли вспомнить рассказы о самых страшных и кровожадных людоедах. Но Николай Матеус был прекрасно обучен распознавать мимику главных врагов Цейлеранской империи и поэтому сразу понял, что гаибс лишь мило и снисходительно улыбается. Таким же образом, пользуясь знаниями, полученными еще в спецшколе, определил и возраст заклятого врага империи: около сорока среднестандартных лет. То есть для знающего человека ничего зверского во внешнем виде гаибса не было, поэтому бывший лейтенант осторожно, без резких движений просунул руку сквозь решетку, поднял ее в приветственном жесте и воскликнул:

– Благодарим за спасение!

Могло показаться, что его не услышали или полностью проигнорировали – целую минуту в отсеке не раздавалось ни малейшего звука. И лишь потом гаибс убрал с лица «милую» улыбку и заговорил:

– Ваша благодарность мне не нужна. Альтруизм мне несвойствен. Поэтому под угрозой жесточайших наказаний требую полного подчинения моим приказам.

Говорил гаибс на превосходном галакто, словно обучался в высших университетах ЦОЗа, Центрального Очага Знаний, и нисколько не сомневался в действенности своих заявлений.

– Вы находитесь на моем личном корабле планетарной разведки. Обращаться ко мне только «господин» или «капитан» Мензари. И только после того, как я разрешу. Просьбой к высказыванию или вопросу служит поднятая рука.

Затем гаибс демонстративно достал парализатор из поясной кобуры, поставил на максимальную мощность и медленным шагом прошелся вдоль решеток туда и обратно. При этом он полностью проигнорировал несколько поднятых рук. Люди, наученные горьким опытом заключения, не решились задать ни одного вопроса. Вернувшись на прежнее место, капитан Мензари вновь жутко «улыбнулся» и продолжил:

– Вам, конечно, сказочно повезло. Вы не просто спасены, а получили шанс продолжить свои никчемные жизни в полном, хоть и чуть ограниченном объеме. Но не сразу. Вначале вам предстоит отработать свое освобождение. Насколько я знаю, это совершенно нетрудно. Более того, легко до невероятности. Но пока мы не прибудем к цели нашего путешествия, запрещаю ненужные вопросы на эту тему. Помимо этого я весьма недоволен тем, что за вашими спинами уже лежит один труп. Кто виновен в гибели этого человека?

Николай тут же поднял руку и, получив в ответ согласный кивок, объяснил:

– Убил его я случайно, в порядке самозащиты, когда он со своими товарищами напал на меня в невесомости.

– Какова изначальная причина драки? – ледяным голосом осведомился Мензари.

– Несколько человек решили поквитаться вот с этим парнем, Грэггом Доминго, за его нежелание перед ними преклоняться. Пришлось помочь ему защищаться...

Гаибс совершенно человеческим движением покачался с пяток на носки, подумал и пообещал:

– Обязательно проверю, но чуть позже. Сейчас я проведу с каждым из вас индивидуальное собеседование в том порядке, какой выберет мой робот. Из отсека вы сразу проходите в медицинский модуль-сауну и отвечаете на мои вопросы. О необходимости примерного поведения я даже напоминать не хочу. Наказание за малейшую провинность или непослушание будет о-очень образцово-показательным. За вранье – тоже. Эсехон! Начинай с человеческих самок!

Последнее приказание гаибс отдал расположившемуся посередине роботу и тут же покинул отсек. Заключенные с изумлением наблюдали за выверенными и продуманными действиями не просто механического монстра, а сложного агрегата с уникальным искусственным интеллектом. Такие помощники во всей Галактике давно устарели, но в Отроге Гаибсов ими продолжали пользоваться с небывалым успехом. Видимо, их разработки в этом направлении успешно продвигались вперед. Эсехон действовал словно штатный член команды. К тому же казалось, что он не лишен чувства юмора: первым делом он отпугнул стоявших слишком близко женщин, резко проведя железной клешней по решетке чуть выше их роста. Уголовницы отпрянули назад, а возле робота осталась лежать лишь застонавшая Метакса. Видимо, робот с искусственным интеллектом сразу наметил эту гору мускулов первым номером, потому что следующим движением придержал Метаксу за раздувшуюся ступню, играючи срезал пять прутьев решетки и скомандовал скрипучим голосом:

– Ты! Первой на собеседование!

Садистка с недоверием глянула на свою освобожденную ногу и поднялась, перебирая руками прутья. Потом протиснулась между ними и довольно прытко заковыляла в сторону темнеющего зева трюма. Не прошло и пяти минут, как клешня Эсехона указала на стоявшую ближе всех Гилану:

– Ты! Выходи второй!

После ухода наемной убийцы все вполне резонно ожидали возвращения Метаксы, но та так и не появилась. Потом ушла третья, четвертая женщина, но никто из них не возвращался. Мужчины принялись обсуждать создавшееся положение. Причем делали это сразу несколькими группами, собравшимися по интересам или симпатиям. Вокруг кряхтевшего Гайса собрались очухавшийся Сакус, Мерка, Соляк и несколько уголовников. Десяток мужчин нерешительно перешептывались в центре, вобрав в свой круг и тех молодых парней, над которыми собирался поглумиться бывший граф со своими приспешниками.

Шестеро самых сильных и сплоченных мужчин разговаривали в дальнем, сужающемся углу отсека. Но даже бывший лейтенант имперской космопехоты не мог предположить наверняка, что их ожидает после собеседования:

– Вероятно, нас хотят расселить по отдельности или небольшими группами.

– Значит, постараемся попасть вместе! – решил Станислав. Но Крил не верил в такие побряжки:

– Если будут спрашивать... А вдруг нас собираются заморозить в криогенных камерах?

– Непохоже! Ведь тогда добрая треть из нас не выживет, – напомнил Матеус общеизвестную истину, – А этот Мензари, кажется, сильно расстроился даже из-за одного трупа. Будут нас беречь...

– Если наше здоровье так ценно, то вдруг нас хотят использовать на запчасти? – заволновался с чисто крестьянской непосредственностью Грэг Доминго. – Порежут на кусочки, словно говяжью тушу...

– Тьфу на тебя! – воскликнул Станислав, прерывая неприятные рассуждения верзилы. – Самое главное – смотрите в оба! Подмечайте каждую деталь, где бы вы ни находились. Если судьба подкинула нам такой подарок, возможно, мы сумеем спастись. А в идеале надо попробовать захватить корабль.

– Будем стараться, – согласился Николай, – но ты все-таки попробуй его перекупить. Гаибсам ведь тоже нужны средства для хорошей жизни, живут же некоторые из них в центре Галактики. Или у тебя с деньгами напряг?

Городо задумчиво скосил глаза на робота и после паузы согласно кивнул:

– Хватит на все с лихвой.

– А сможешь до средств добраться?

– Есть трудности, но они вполне преодолимы.

– Тогда уж ты постарайся, а! – Матеус положил руку Станиславу на плечо и торжественно пообещал: – А уж я потом отработаю деньги, затраченные на покупку свободы: устрою твоему конкуренту справедливое возмездие. Да и остальные нам помогут. Правда?

Четверо мужчин молча, но решительно кивнули, подтверждая свое согласие и полную готовность к сотрудничеству. Городо грустно улыбнулся:

– Ради спасения моей семьи я еще и одолжу у кого надо! Лишь бы этот гаибс согласился на мои предложения.

Тем временем робот с искусственным интеллектом спровадил всех женщин на собеседование, затем с той же легкостью отрезал прутья решетки с другой стороны и стал поодиночке выпускать мужчин. Только теперь он внимательно рассматривал заключенных своими объективами и выбирал не спонтанно, а явно следуя какому-то принципу. Наверняка по внутренней связи ему давались указания от капитана.

В результате этих манипуляций Николай Матеус вышел из отсека смертников последним. Данный факт его настораживал и нервировал. Его явно сочли если не лидером освобожденных людей, то уж точно самым потенциально опасным противником. Эсехон, закончивший распределять людей, гремел гусеницами прямо по пятам бывшего лейтенанта.

Одна из внутренних переборок трюма призывно манила открытой и ярко освещенной дверью. Сразу же за ней располагался вполне стандартный модуль-сауна для медицинских обследований. Гаибс сидел за толстым стеклом, а люди находились в маленькой камере-капсуле, наполненной кучей приборов для исследования. Уселся на стул и Николай. Тут же створки стали закрываться, и невидимые манипуляторы заскользили по его телу, делая всевозможные анализы и производя непонятные замеры. А из динамиков раздалось предупреждение:

– Советую отвечать быстро и не задумываясь.

– Понял.

– Не хочется тратить даром домутил.

– Логично.

Затем посыпались вопросы:

– Имя? За что осужден? Где обучался? Какие войсковые навыки имеешь? В каких сражениях участвовал? Кто первым начал драку после создания невесомости в отсеке? – и так далее.

Причем складывалось впечатление, что большинство ответов гаибс знал и просто сверялся со своими записями. Станным показалось, что на собеседование с Николаем было затрачено чуть ли не полчаса. В конце капитан подвел итог:

– Человек! Ты имеешь больше всего потенциальных возможностей навредить моему делу своим присутствием. Поэтому предупреждаю тебя персонально: веди себя благоразумно. Не пытайся совершить побег. Опасность вам не грозит. Более того, я склонен сотрудничать с твоим соплеменником, которого зовут Станислав Городо, а он со своей стороны хочет выкупить тебя и нескольких своих товарищей. Сейчас мы выйдем из Лунманского прыжка возле другого карлика и сбросим ненужный мне отсек. А потом я продолжу переговоры с Городо. Вас всех распределяю по четырехместным, вполне комфортабельным каютам. Выходить запрещено. При попытке взлома – карцер и парализация на несколько часов. В каютах есть по два виртуальных комплекса с возможностью внешнего пространственного обзора, массой развлекательных игр и непосредственной связью со мной. Тебе нравится такое положение вещей?

– Очень, капитан Мензари.

– Мой корабль называется «Цветок». Хорошее название?

– Вполне. Только слишком мирное.

– Ха! Зато начинка у него далеко не для пацифистов, – впервые позволил себе пошутить капитан. – И последний вопрос: с кем бы ты хотел жить в каюте?

Николай, конечно, сомневался в искренности вопроса и подозревал ловушку, но все же без запинки перечислил:

– Станислав, Грэг, Крил, Освальд и Розен.

– А из женщин?

Лейтенант от удивления широко открыл глаза. Затем пожал плечами и с паузами проговорил:

– Ларта... Гилана... и эта девушка, не помню ее имени. Она в разорванной одежде после борьбы с уголовницами...

– Бетти?

– Кажется.

– Ну что ж... – Гаибс произвел некие манипуляции на невидимых Николаю приборах, и кокон модуля-сауны стал раскрываться. – Поселим тебя, пожалуй, в каюту номер... десять. Вдруг да и понравится. – На щетинистую рожу опять напозла улыбка, но тут же спряталась, и суровый голос скомандовал: – По этому коридору! Первый поворот направо! Третья дверь слева! Пошел!

– Понял, господин Мензари! – по-военному отрапортовал Матеус и послушно поспешил в указанном направлении. «Пока все складывается просто сказочно, так почему бы не показать, что я удовлетворен развивающимися событиями? А если еще и соседей гаибс подберет подходящих...»

Действительность превзошла все ожидания. Лишь только Николай взялся за ручку двери, та автоматически отъехала в сторону и его взору предстали сидящие справа на нижней кровати Ларта и Гилана. А напротив них полулежа расположился Станислав Городе Матеус сделал шаг внутрь, оглянулся на резко захлопнувшуюся дверь, в немом восторге вновь обвел компанию глазами и лишь затем тихо воскликнул:

– Чудеса! А остальных как распределили?

– Без понятия! – Хоть Городо и пытался выглядеть равнодушным, но из его глаз так и лучилось довольство и уверенность. – Но похоже, к пожеланиям пленников капитан Мензари прислушался буквально.

Он подвинулся, давая вновь обретенному соседу присесть рядом.

Однако Гилана явно не разделяла энтузиазма мужчин:

– Весьма подозрительно такое потворство нашим желаниям. Да и я бы предпочитала жить в женской компании.

– Смотря какая компания. – Ларта передернулась от неприятных воспоминаний. – Я вообще настаивала на одиночке. А их, – она кивнула подбородком в сторону мужчин, – перечислила только после грубого приказа.

– Тем не менее постараемся извлечь пользу из нашего совместного проживания, – предложил Николай.

– Это к-как? – с заиканием выдавила из себя Ларта, на что наемная убийца ответила с циничной улыбкой:

– Не переживай, крошка! Более того, забудь о своих надеждах, что парни тебя изнасилуют. Они не из того теста.

– Николай имел в виду совсем... – попытался объяснить Станислав, но Гилана его громко перебила:

– Да и я не позволю!

Матеус разрешил себе покровительственно улыбнуться:

– Разговор свернул не туда, куда я его направлял. Но я списываю это на нервозность по случаю нашего чудесного спасения. Давайте лучше приступим к разбору каждой детали последних часов и постараемся выработать правильную линию поведения. Тем более что капитан Мензари выказал добрую волю к сотрудничеству.

При последних словах Городо многозначительно вздохнул, и бывший лейтенант понял, что капиталисту пришлось сразу продемонстрировать максимальную щедрость и предложить все свои тайные вклады. И если эти вклады так велики, как подозревалось, то любой гаибс рискнет пересечь всю Галактику сколько угодно раз. Зато Гилана подобрала ноги под себя и царственно кивнула:

– Вот ты и начинай с разбора известных тебе деталей.

Николай спорить не стал, кратко изложив то, что думает, чего следует ожидать и к чему надо присмотреться в первую очередь. Конечно, все откровения велись с учетом постоянного тщательного наблюдения за их каютой. Постепенно и женщины подключились к обсуждению обстановки на корабле гаибса.

Станислав же сразу уселся в кресло виртуального комплекса и попытался выяснить, чего эта игрушка стоит. Это была вполне новая, хоть и стандартная модель, которая среди космолетчиков чаще называлась «викошкой». Краем уха бывший предприниматель прислушивался к разговору, да и сам время от времени подавал короткие реплики:

– А игр сколько! Похоже, на этом корабле дети – частые гости... Второй выход на рубку: запрос, доступ только после ответа, оставить разъяснение вызова. Мм... Ладно, напишем «проба». Так, что дальше? Хо! Даже распорядок есть. Ну это мы потом пролистаем... Надо же! Действительно, есть выход на обзор окружающего космического пространства. И мы как раз вышли из Лунманского прыжка, производим тормозной выхлоп. Теперь можно осмотреться. Где это мы? Ба! Да мы опять возле красного карлика! Но этот – явно не предназначенный нам палач.

После этого сообщения Николай уселся во второе кресло и включил обзор внешнего пространства. Действительно, потухшая звезда была явно другой. Да и окружающие созвездия отличались.

– Узнаёшь место?

На вопрос своего нового товарища Матеус ответил лишь через несколько минут, после того как старательно изучил видеоизображение:

– Не имею понятия.

– Смотри! Наш горемычный отсек оттолкнули к карлику!

– Вижу.

– Прощай, унылый катафалк! Ты не лишишь нас счастья бытия! – с чувством продекламировал осужденный поджигатель. – Но почему гаибс сразу его не сбросил после нашего захвата?

– С места преступления надо уходить моментально. Меня больше волнует другое, – задумчиво сказал Николай. – Почему Мензари вообще избавляется от тюремного отсека? Ведь надо выводить корабль в открытое пространство, а это ненужный и невероятный риск.

– Значит, не хочет, – рассудил Станислав, – чтобы его коллеги или заказчики связали наши тушки с конкретным тюремным глайдером.

– Может быть...

– Интересно, куда мы сейчас отправимся? Вместо ответа бывший лейтенант воскликнул:

– Атака!

– Где? Кто? Кого? – забеспокоился Городе.

– С направления Г16 нас атакуют четыре истребителя!

– Так они же нас могут...

– Естественно! Наверняка уничтожат! Это наши силы Барьера. Но могут и попытаться захватить...

Все четверо выдохнули со страхом и разочарованием: оба варианта никого не устраивали.

– Почему гаибс не делает Лунманский прыжок? – с отчаянием воскликнула Гилана.

Женщины уже стояли за спинами мужчин, улавливая каждое их слово. Николай покрылся холодной испариной: уж он-то прекрасно осознавал глубину пропасти, в которой они оказались. И несмотря на это, пересохшими губами продолжал давать пояснения:

– Не может. Четыре таких истребителя создают направленное поле заземления нейтрино-селта, и при этом блокируется возможность спасительного прыжка в подпространство. Будь их два или хотя бы три...

– Пусть тогда их расстреляет из пушек! – подала «великую» тактическую идею Ларта, но Матеус только досадливо дернул плечом:

– Мы не на космическом крейсере!

– А что же делает Мензари?

– Пытается уйти в открытый космос на двигателях.

– Зачем?

– Ума не приложу! А... кажется, он хочет отвлечь истребители от сброшенного отсека.

– Похоже на то, – пробормотал Станислав. – Смотри, два истребителя сменили курс. Отправились на перехват нашего гробика. Может, сейчас есть шанс сделать Лунманский прыжок?

– Увы! Поле заземления можно поддерживать на любом курсе.

– Но почему их два?

– Другая пара сейчас завяжет с гаибсом бой. А те остановят и возьмут отсек в захваты. Одному не справиться: инерция там уже невероятная. А потом нас догонят и...

Воцарилось тяжелое, унылое молчание, во время которого мужчины движениями рук в пространстве подстраивали изображение в своих шлемах и с ужасом всматривались в грозные контуры имперских истребителей. Смерть неумолимо приближалась.

Докладная записка

Кому: Старшему уполномоченному
по дисциплинарному надзору
и шефу внутренних расследований
генералу Шариген К.
От кого: Главного штурмана тюремного
глайдера ТГМК № 00197
майора Качкова С.

Во время последней казни распланированием мною были замечены некоторые технические и временные нарушения. Вначале наш глайдер вышел из Лунманского прыжка слишком далеко от места казни. Вследствие этого сброс отсека с приговоренными преступниками произошел на 0,0016 парсека раньше намеченного рубежа, что во временном эквиваленте равно двадцати одной минуте дополнительного падения к поверхности красного карлика. Затем меня сняли с вахты и отправили отдыхать. Через три часа тридцать шесть минут второй штурман глайдера Варна Челская объявила экстренную тревогу гравитационного сотрясения пространства. В таких случаях всем космическим средствам предписано покинуть окрестности потухших звезд во избежание выхода из строя притановых щитов. Что и было сделано капитаном тюремного глайдера без промедления.

Но в результате этих событий сорок пять минут до расчетной «точки невозвращения» падающий отсек с приговоренными смертниками находился без надлежащего присмотра. Хочу также обратить Ваше внимание, что Варна Челская является сожительницей капитана и не всегда скрупулезно относится к выполнению своего профессионального и служебного долга.

Дата. Координаты. Подпись.

Генерал Шариген похлопал по лежащей перед ним бумажке ладонью и воскликнул:

– Когда наконец прекратятся подобные безобразия?!

Первый заместитель уже давно не обращал особого внимания на привычку своего шефа разговаривать в кабинете так, словно тот находился на плацу и принимал парад вверенной ему дивизии. На грозный выкрик он лишь пожал плечами и спокойно ответил:

– Этот Качков просто забросал нас подобными рапортами и записками. Особый всплеск активности совпал с моментом его развода с женой, той самой Варной Челской, и началом близких отношений между ней и капитаном глайдера.

– А-а, вот оно что... – Генерал притих, задумался, потом еще раз пробежал глазами текст. – Этот командир глайдера у нас один из самых лучших?

– Да. Безукоризненная карьера, незапятнанная честь и высочайшие моральные характеристики.

– Все равно... Начните-ка проверку его личной жизни. Ну и всего, что с ней соприкасается. Постепенно, исподволь, не спеша.

– Понял, господин генерал, – с готовностью согласился заместитель. – Сегодня же отдам соответствующее распоряжение.

Бой начался на весьма большом расстоянии. Сразу шесть сверхскоростных торпед с гелиевой начинкой понеслись в сторону «Цветка». Навстречу им метнулся цветастый рой миниракет перехвата. Вначале плоским блином полыхнули две, а за ними еще пара торпед. Но остав-

шиеся две добрались до сигрального щита и сдетонировали одновременно. Гаибский корабль изрядно трянуло и стало разворачивать боком к атакующим истребителям.

Николай застонал от отчаяния:

– Еще два таких попадания – и мы разлетимся в шлейфе осколков. Никакой сигральный щит не выдержит...

Машинально он отметил, что два других истребителя уже сцепились мертвой хваткой в отсек и почти затормозили его падение. Но в тот же момент на месте соединения трех тел ярко блеснула маленькая сверхновая, сжигая и отсек, и держащие его истребители. Бывший лейтенант не смог сдержать гневного восклицания:

– Сволочь! Он заминировал этот пустой кусок железа!

Как-никак на бортах истребителей сейчас превратились в пар его бывшие коллеги по оружию. Зато Городе отнесся к гибели имперцев более спокойно и философски:

– Кто-то должен был погибнуть в данном случае...

Еще во время этого короткого диалога два оставшихся целыми истребителя стали расходиться в стороны, пытаясь захватить вражеский корабль в клещи и атаковать с двух сторон. Пограничники понимали, что теперь они уже не смогут удержать нарушителя от ухода в подпространство. Но «Цветок» как раз повернулся бортом к одному из них и произвел залп из всего имеющегося у него оружия. И оружия оказалось так много, что прекрасно знакомый с космическим боем Николай Матеус сжался от сопереживания: атакованному истребителю придется очень тяжело.

Вот только рассмотреть итоги этого залпа бывшему лейтенанту не удалось. В следующие мгновения экраны покрылись пятнистой мглой: начался Лунманский прыжок.

Однако не успели смертники обменяться и словом, как «Цветок» неожиданно вновь оказался в открытом космосе – неожиданно в первую очередь для оставшегося целым истребителя. Он как раз пытался произвести разворот к своему гибнущему от взрывов товарищу, когда возникший у него за спиной корабль гаибса в упор дал второй залп.

Минуты три люди наблюдали за разлетающимися осколками, а капитан Мензари наверняка сканировал самые крупные из них, проверяя на наличие спасшихся пилотов. Таковых, видимо, не оказалось, и подпространство вновь поглотило корабль с похищенными смертниками.

– Он же мог уйти! – с изумлением и ненавистью воскликнул Матеус – Сразу же после взрыва отсека! Зачем он так?

Станислав тоже снял шлем виртуального комплекса, вытер вспотевший лоб и только тогда с сомнением покачал головой:

– Вероятно, Мензари не любит оставлять свидетелей. А может, просто слишком мстителен или слишком уверен в себе. Ведь это факт – он справился с противником, который превосходил его в скорости и маневренности в два раза. Верно?

Действительность раздражала и смущала хмуриющегося Николая, но справедливости ради пришлось признаться:

– Не в два, а в четыре... Такие истребители вообще трудно застать врасплох и уничтожить. Но Мензари их всех уделал... Хм! Интересно, может, он тут с коллегами? Уж слишком невероятные и непредсказуемые маневры у него. А этот короткий и выверенный Лунманский прыжок вообще не имеет аналогов в моей памяти. Просто потрясающая точность! Не мог же ему помогать этот гусеничный трактор!

– Зря ты так, – тихим голосом возразила Ларта. – Искусственный интеллект – это самый большой и лучший помощник для всех разумных. И в Галактике его не усовершенствуют лишь из-за шовинизма, разных фобий и элементарной зависти. Ведь во многих сферах жизни и производства лучших товарищей и помощников, чем роботы с искусственным интеллектом, не найти.

Прозвучавшая лекция не произвела должного впечатления на соседей по каюте. Скорей наоборот: Николай и Гилана почти одновременно собрались сказать что-то резкое, а то и неприятное, но их опередил Станислав:

– Ладно. Как бы там ни было, но возле этого Эсехона советую вести себя крайне корректно и сдержанно. Ведь любое разумное создание чувствует пренебрежение по отношению к себе... Между прочим, я опять проголодался. Будут нас сегодня кормить или нет?

– Полистай и внимательно прочти расписание, – напомнила ему Гилана. – Скорей всего, именно для таких, как мы, он и составлен.

– Точно!

Через минуту четверка пленников знала корабельное время и все остальные пункты. Было пять часов утра. Завтрак ожидался в восемь. Второй завтрак в десять утра. Обед ровно в полдень. Ужин и второй ужин тоже не выходили из общепринятого в космосе графика. Так что «листать» оказалось и нечего. Поскольку все весьма устало от последних событий и нервных потрясений, предложение поспать не встретило возражений даже у настороженной Ларты. Она только наивно попыталась оспорить у Гиланы верхнюю койку. В ответ наемная убийца с грустной улыбкой произнесла:

– Если хочешь выжить, то советую мне не противоречить.

Видимо, интонацию она выбрала соответствующую, потому что через пять секунд несчастная Стрелочница уже лежала на нижней койке, накрывшись с головой двумя одеялами, и усиленно делала вид, что давным-давно спит.

Первым проснулся Николай. Скользнул на кресло «викошки», глянул на корабельное время и забеспокоился:

– А я-то думаю, почему так жрать хочется? – пробормотал он вполголоса.

– И мне что-то съедобное снилось, – отозвался Станислав.

Зашевелились и женщины. Гилана свесилась с верхнего яруса и постучала ноготком по шлему на голове Матеуса:

– Молодой человек, время не скажете?

– Десять утра.

– Вот как? Считай, что я рассердилась и сейчас буду искать того, кто осмелился оприходовать мой завтрак.

– Приступай. Если найдешь виновного, зови меня – я тоже голоден как зверь.

– Честное слово, я спал как все, – притворно испугался Города.

Тут же послышалось жалобное хныканье Ларты:

– Про нас совершенно забыли? И мы будем долго и медленно умирать с голоду?

– Вряд ли. Зачем же нас тогда с такими трудностями спасали? Просто робот, наверное, не успевает обслужить все каюты.

Все прислушались. В самом деле, в коридоре время от времени раздавался шелест резиновых гусениц Эсехона. Но Стрелочница продолжала горевать:

– Почему я не догадалась взять с собой? – И когда три пары глаз уставились на нее вопросительно, нехотя пояснила: – В отсеке еще оставалось много еды и пакетов с соком.

– Шутница! – хохотнул Станислав, садясь на своей кровати. – Если бы наша казнь не отменилась, то сейчас от нас остались бы лишь спрессованные атомы. Конечно, вперемешку с атомами сока и сухого пайка, но такую сытость я с радостью меняю на теперешнее воздержание.

Матеус незаметно пощупал под одеждой кусок вяленого мяса У капиталиста тоже имелись кое-какие запасы. Хуже обстояло дело с жидкостью: пить было нечего. Но ведь терпеть еще можно долго, а там видно будет. Да и непохож Мензари на истязателя голодом или жаждой... кажется. А вот другая деталь их быта на данный момент беспокоила все больше и больше:

– Где же здесь туалет?

В этот момент все замерли при виде открывающейся двери. Ее проем тут же заполнили вспомогательные устройства, клешни, присоски и манипуляторы робота с зачатками разума. Робот резво раздал вместительные пакеты с пищей и жидкостью и скомандовал:

– Станислав Городо, к капитану!

Мужчина с некоторым сожалением отложил свою пайку на кровать и встал. Николай кивнул ему:

– Иди, мы твой завтрак покараулим. – А затем со скрытым сарказмом обратился к роботу:

– Уважаемый Эсехон! Вы не подскажите, где здесь ванная комната?

Многофункциональное механическое чудовище вначале пропустило мимо себя Станислава, но тут же вновь частично втиснулось в крохотную каюту.

– Вот эта панель служит переключкой в санузел и душевую. Здесь нарисован палец. Ваши данные есть в памяти бортового логиста. Прикладываете большой палец на это место – дверь открывается. Внутри имеет право находиться не более чем одна особь, иначе дверь не закроется и аксессуары функционировать не будут. Воду из кранов не пить. Тряпки в сливное отверстие не кидать. Обертки от пищи утилизировать в то отверстие. Все понятно или повторить?

– Спасибо огромное за помощь, мы все поняли.

– Хочется верить.

После того как дверь закрылась, Гилана высказала общее мнение:

– Мне кажется, сарказм он скрыть и не пытался.

Матеус, не поднимаясь из кресла, протянул руку и приложил подушечку большого пальца к указанному месту. Панель ушла в сторону – и взору открылась небольшая, очень компактная душевая кабинка с унитазом.

– Без лишних затей и излишеств, – проговорил он, вставая, но мимо него, словно порыв ветра, проскользнула шустрая Стрелочница. Панель тут же встала на прежнее место, а до бывшего лейтенанта отчетливо донеслось:

– Мужчины всегда уступают дорогу женщинам.

– Кто бы мне хоть раз уступил дорогу... – проворчала Гилана.

Бывший лейтенант щелкнул воображаемыми каблуками и почтительно склонил голову:

– Мадам! Уступаю вам свою очередь!

– Не мадам, а мадемуазель! – Женщина позволила себе улыбнуться более открыто.

– Ах, простите!

Гилана разорвала пластиковую обертку пайка зубами, но, прежде чем приступить к еде, в нетерпении выкрикнула:

– Ларта! Не вздумай принимать душ! Сделаешь это после завтрака! – и уже совсем тихо пробормотала: – А то с нее станет там закрыться и жить...

Все трое успели плотно позавтракать, принять душ и вдоволь наговориться, когда в каюту вернулся разгоряченный и немного расстроенный Городо. Закинув свои пакеты с завтраком на верхнюю койку, он устало разлегся на своей и шумно выдохнул. Заметив, что соседи выжидающе смотрят на него, пояснил:

– Был удостоен чести беседовать с капитаном Мензари во время нашего совместного завтрака. Причем горячие блюда мне напомнили лучшие курорты наших круизных планет.

– Но особо довольным ты почему-то не выглядишь, – заметил Николай Матеус.

– Не все идет так гладко, как хотелось бы...

– Тебе не доверяют?

– Подобный момент в наших отношениях имеет место, но он со временем должен решиться в положительную сторону. Да и куда я денусь? А вот наше настоящее положение вызывает вполне обоснованные опасения.

Гилана скорчила гримасу нетерпения:

– Станислав, может, будешь выражаться проще? Ведь ты не на собрании акционеров.

– Да? То-то я смотрю – все не так! Да и на собрания я всегда ходил голодным, чтобы злей быть. А тут я такой добрый, такой добрый...

Заметив опасный блеск в глазах Гиланы, Николай сказал примирительно:

– А куда нам спешить? Пусть рассказывает во всех подробностях.

– Спасибо, коллега. – Города чуть привстал и смешно кивнул, чем вызвал у всех улыбки. Затем принял прежнее положение и продолжил: – Но могу и коротко: при последнем сражении «Цветок» все-таки изрядно потрепало, сбилась калибровка дальних Лунманских прыжков. Скоро выйдем в обычное пространство и посмотрим, куда нас закинуло. Вот это сейчас самая большая проблема.

Лучше всех осознал положение бывший лейтенант космопехоты. Корабль гаибса могло швырнуть далеко в сторону от предполагаемого маршрута. Приборы, конечно, поддавались новой настройке, но для этого надо было выйти из прыжка, погасить скорость, остановиться и сориентироваться в пространстве, потратив на это добрых полчаса. Затем произвести еще несколько погружений в подпространство для синхронизации и окончательной калибровки приборов – и только тогда двигаться к нужной цели. Однако технически такие проблемы были решаемы. Николая больше интересовала окончательная цель полета.

– Хорошо, последствия последнего сражения обязательно ликвидируют. А вот потом куда лежит наш курс?

Станислав расстроено чмокнул губами и тяжело вздохнул:

– Тоже есть временная и житейская неразбериха. Капитан Мензари, как он мне признался, имеет определенные обязательства, проигнорировать которые он не может даже за все богатства нашей Галактики.

– А конкретнее?

– Мне показалось, что у него тоже нечто связанное с родственниками или семьей. Во всем мире это самый больной и щепетильный вопрос. Естественно, я имею в виду особей с полноценным и нормальным разумом. Такие, как Гайс, Соляк и Метакса, в этот список не входят.

– Хотя чем-то можешь нас утешить? – не унимался Матеус.

– Постараюсь. – Станислав резко сел на кровати и заговорил быстро и деловито: – Примерно дело обстоит так. Мензари должен срочно доставить минимум сорок человек для одного весьма важного дела, причем вопрос для него заключается не только в деньгах. Но сорока двух уголовников ему вполне хватит. Дальше он готов рискнуть попробовать получить выкуп за наши души. Кроме нас четверых я включил в список Грэга, Крила, Освальда и Розена. Помимо дружеских чувств, которые к ним испытываю, я надеюсь цинично воспользоваться в дальнейшем их и вашей помощью для моей мести. Согласны ли вы идти со мной или рискнете продолжить путь с остальными?

Города обращался только к женщинам, переводя требовательный взгляд с одной на другую. Первой заговорила Гилана:

– Понимаю, какую ты помощь от меня хочешь. Но как бы мне ни хотелось жить, я могу ответить лишь так: если ты мне докажешь свою невиновность и предоставишь неопровержимые улики против твоего конкурента, я буду готова идти рядом с тобой до самого финала твоего возмездия. И смерти я не побоюсь.

– Докажу! – уверенно ответил Станислав. – Спасибо. – И в упор уставился на вторую женщину.

Ларта к тому времени покраснела так, будто ее щеки натерли наждаком, а уши сварили в кипятке. Похоже, она прекрасно понимала, что в планах кровавой мести от нее толку не будет. Значит, ей придется играть при своем возможном благодетеле довольно незавидную роль. Подай, принеси, ляг, обслужи... И сейчас Стрелочница лихорадочно искала выход из создавшейся ситуации. Про то, чтобы остаться с остальными уголовниками, и речи быть не

могло. Уж там с ней сотворят все что угодно, без всякого спроса и согласия. Да и неизвестно, что за работенка предстоит захваченным людям в скором будущем. Поэтому оставалось только одно. И Ларта, чувствуя себя как на сковородке, прошептала дрожащими губами:

– Согласна на все, лишь бы оставаться с вами...

– Вот и отлично, спасибо и тебе за обещанное содействие. – Станислав встал и протиснулся в кресло виртуального комплекса. При этом он так хитро подмигнул Матеусу, что бывший лейтенант сразу понял: никто и не собирается пользоваться беззащитностью Стрелочницы и требовать от нее «все». Неприятное недоумение тут же исчезло без следа, и он предложил:

– Проведем виртуальный бой или...

– Или! Я посоветовал Мензари воспользоваться твоими знаниями пространства для ориентации, но он ответил, что пока нет такой острой необходимости. Однако при выходе из прыжка он сбросит на наш виртуальный комплекс все данные и карту окружающих нас созвездий. Связь тоже откроет напрямую. Так что свои соображения сможешь ему высказать сразу.

– Прекрасно! – обрадовался Матеус, водружая на голову шлем «викошки». – Лучше заняться привычным делом, чем оставаться неприкаянным наблюдателем.

– А нам что делать? – почти выкрикнула Гилана, недовольная таким положением дел. – Отсыпаться? Я, кстати, тоже неплохо разбираюсь в звездных картах.

– В чем разбираешься? В кулинарных рецептах? – Николай сделал вид, что не расслышал. – Ну тогда приготовь что-нибудь вкусное на обед!

Женщина гневно хмыкнула и принялась щипать сотрясающуюся от смеха спину. Но толстая тюремная роба не позволяла сделать это с должной эффективностью, поэтому жесткие и болезненные щипки сместились на шею. Как ни странно, Матеус даже не дернулся. Наоборот, осторожно перехватил вредные пальчики и нежно их погладил.

Гилана выхватила руку, поспешно забралась на верхнюю койку, отвернулась к стене и сделала вид, что хочет спать. Но на самом деле ее колотило совершенно непонятное возбуждение. Ее, наемную убийцу, кто-то погладил! И так нежно... Так приятно... Естественно... Раньше она выкрутила бы за это руку любому. А теперь... Теперь она лежала и думала:

«Что со мной? Неужели мне стала так дорога жизнь, что я превратилась в сентиментальную дуру? Или этот солдатик мне и в самом деле понравился? Ну вообще-то он неплох...»

Корабль вывалился из подпространства, и началось экстренное торможение. На «викошку» Матеуса тут же загрузились обещанные данные космических лоций и предполагаемые координаты местонахождения «Цветка». Но приборы сразу же заявили: курс ошибочный, цель неверная.

Николай попробовал обратиться по внутренней связи, и гаибс без промедления ответил из капитанской рубки:

– Неужели так быстро определился?

– Еще нет. Но что курс сбит – однозначно.

– Да я и сам вижу.

– Больше всего меня озадачивают эти метеоритные потоки и странные астероидные реки...

– Проклятье! Мне это место вообще жутко не нравится, – признался гаибс – Сам как на ладони из-за выхлопа, но рассмотреть врага проблематично.

Тем временем на виртуальный экран Матеуса стали поступать первые данные.

– Курс ошибочно сместился на пятнадцать градусов. Следовательно, мы...

– Тоже просчитал, – забормотал Мензари. – Уповаю лишь на то, что мы, скорей всего, проскочили это мерзкое пространство между...

– Нет! Не проскочили! – перебил его бывший лейтенант, – И мне кажется, мы возле самой границы с Отрогом Гаибсов.

– Точно! Да еще между Барьерами! Вот невезенье! Только этого мне не хватало...

В этот момент «Цветок», почти замерший на месте, стал стремительно набирать скорость. В общих динамиках каждой каюты раздалась команда:

– Приготовиться к перегрузкам!

Обычно притановые щиты позволяли не ощущать внешних кульбитов скорости и смещения движения. Но в аварийной ситуации не грех было и перестраховаться. Кресла «викошек» для этого подходили гораздо лучше, но и койки были оборудованы специальными лепестками удержания.

Для совершения прыжка всегда надо находиться как минимум на маршевой скорости. Вроде немного, всего минут пять в открытом космосе, да только судьба и здесь поставила им подножку. А может, этот сектор границы охранялся чересчур тщательно. Как бы то ни было, на третьей минуте разгона из подпространства выпрыгнул внушительный пограничный крейсер гаибсов, да еще на встречном курсе. Капитан Мензари тут же зачастил залпами всего находящегося на борту оружия и попытался спастись смещением вниз. Но выглядела такая попытка жалко и смешно: крейсеру удалось на две секунды раньше выпустить целый сонм торпед, ракет и самонаводящихся снарядов. Теперь жизнь недавних смертников зависела от одного шанса из тысячи, для реализации которого истошно воющие двигатели должны были успеть придать «Цветку» нужное ускорение.

За мгновение до катастрофы скорость дошла до нужной отметки. Как раз когда первые взрывы уничтожили сигральный щит, а первые торпеды, казалось, можно было потрогать руками, на внешние экраны опустилась пятнистая темнота.

Но ударная волна прорвалась даже в подпространство. Да так мощно напудала вслед по корпусу корабля, что все шпангоуты застонали, а вой аварийных сирен перекрыл скрежет мнущихся переборок. Дальнейший полет наверняка станет еще более проблематичным.

Через пару минут трясущийся корабль выскочил из прыжка и сразу же нырнул обратно в подпространство – и так несколько раз. Видимо, на дальнейшее расстояние приборы, частично вышедшие из строя, закинуть «Цветок» были не в состоянии.

Зато пусть медленно, но уверенно нарушителям границы удалось уйти в другие, более спокойные секторы Отрога Гаибсов. Через несколько часов болтания на волоске между жизнью и смертью в динамиках послышалась новая команда:

– Совершаем аварийную посадку на малопригодную для жизни планету. Держитесь, ребята, постараюсь и вас спасти!

Не только Матеус, но и все остальные, кому удалось в то время оказаться в креслах «викошек» и наблюдать за ходом событий, недоумевали: почему гаибс так рискует? Другой разумный уже давно бросил бы разваливающееся и агонизирующее судно, а сам бы спасался на шлюпке. Хотя... из капитанской рубки ситуация могла выглядеть и не такой плачевной. Да и Станислав недавно рассказывал о некоторых весьма важных для капитана обстоятельствах. Скорей всего, захваченные люди были для Мензари необходимы больше собственной жизни.

Удар о поверхность безымянной планеты был так силен, что не только все кресла выскочили из креплений в полу, но и половину кроватей с корнями оторвало от переборок. Вопящих от ужаса людей швыряло между переборками словно каучуковые игрушки. А потом наступила тишина. Сирены и те умудрились заглухнуть. Лишь едкий дымок кое-где просачивался из-под перекошенных дверей да тусклым светом мигали аварийные лампы.

Глава третья

Самые болезненные удары Николай получил по ногам. Пошевелив пальцами, осознал, что переломов нет, по крайней мере явных. Сейчас главным делом было выбраться из покореженного корабля. После такой жуткой посадки на борту могло произойти все что угодно: от пожара до затопления кают жидким топливом.

Первым делом Матеус высвободился из кресла. Связь с рубкой отсутствовала, так что и от громоздкого шлема толку не было. Затем он бегло осмотрел своих товарищей. Во время кульбитов при посадке Станислав потерял свой шлем и теперь лежал без сознания, а на лбу у него быстро вспухала огромная гематома. Однако грудь его мерно и плавно вздымалась: к счастью, он дышал.

Гилана была в лучшем состоянии, хотя глаза у нее затуманились от боли. Напоследок ей достался удар спинкой кресла в район солнечного сплетения, и теперь она с трудом восстанавливала дыхание. Высвободив руку, женщина жестом попросила ее пока не трогать.

Лучше всего выглядела Ларта. Хотя губы у нее тряслись так, что рот не закрывался, а лицо было белым как бумага, но она уже самостоятельно выбиралась из помятых и прорванных лепестков кровати.

– Займись им! – скомандовал Николай Стрелочнице, указывая на Города, а сам принялся спешно выламывать дверь, почти выскочившую из направляющих. Несколько мощных рывков и ударов образовали достаточную для выхода щель возле самого пола. Протискиваясь в нее, Матеус заметил в густом полумраке коридора пошатывающуюся фигуру. Осторожно переступая через вздутия, трещины и вспучившиеся магистрали, фигура приближалась к бывшему лейтенанту.

Не поднимаясь с пола, Николай спросил:

– Ты кто?

Фигура замерла, и послышался неуверенный голос:

– А ты кто?

– Николай Матеус.

– Уф! Не знал, где вас и искать! Это я, Крил! А с тобой кто в каюте?

– Города, Гилана и Ларта, – ответил Николай, продолжая сидеть на корточках и внимательно осматривая коридор с другой стороны, где тоже послышались какие-то удары и затем звуки сдвигаемой двери. Однако там было совершенно темно, поэтому он принялся расспрашивать электронщика: – Где вы? Кто с тобой? Кого еще видел?

– Моя каюта возле самого поворота. Со мной две женщины и молодой парень... был. Дурачился до последнего и не захотел пристегнуться. Свернул шею, кувыряясь при посадке...

– А за поворотом что?

– Тоже коридор, но освещение там получше. Видел, как из самой последней каюты выходил Гайс с тремя своими ублюдками. Еще одна каюта тоже открыта, возле нее стоит Метакса и осматривается.

– Вот уж кому бы шею свернуть при посадке! – Николай сплюнул с досады и удивления. – Живучее гады. А дальше что, по тому освещенному коридору?

– Не знаю. Один сегмент герметизации отсека открыт, но дальше темно и ничего не видно. Что делать будем?

Не ответив, Матеус пригнулся и бросил в каюту:

– Ларта, как там наши раненые?

Вместо Стрелочницы ответила Гилана:

– Мы в порядке. Станиславу чуть хуже: получил удар по гортани и еще не может смеяться. Зато кулак показывает ловко. Заканчиваем собирать остатки пайков и выползаем за тобой следом.

– Хорошо, но вылезай немедленно, прикроешь щель. – Матеус встал и обратился Крилу: – Надо найти хоть что-то типа лома. И постучи в двери тех кают, выясни, кто там.

Сзади в полной темноте продолжали раздаваться равномерные удары. Затем чуть ближе послышались глухие призывы о помощи. Сильнее потянуло неприятным дымком. Дождавшись Гилану, бывший лейтенант пригнулся и осторожно направился в темноту. Привыкшие к ней глаза различили полностью открытый створ двери, а дальше резко раздающееся в стороны пространство трюма. Часть борта была основательно проломлена, и оттуда сочился тусклый серовато-зеленый свет. Радость увиденного выхода тут же омрачилась воспоминанием, что они находятся на планете, возможно совершенно непригодной для жизни. Это значило, что без соответствующих препаратов, прививок и антибиотиков не рекомендовалось не только дышать, но и входить в малознакомую атмосферу. Про бактерии и вирусы, вызывающие различные смертельные заболевания, вспоминать не хотелось. Значит, прежде чем выходить из корабля, надо отыскать аварийные запасы медицинского обеспечения.

Осознав все это, Николай повернулся к двери первой от трюма каюты. Именно оттуда раздавались интенсивные равномерные удары. Подобрал с пола покореженный угол облицовки, Матеус выбрал момент и пару раз ударил по двери. В наступившей тишине представился:

– Здесь Николай Матеус. Кто в каюте?

С той стороны двери послышался восторженный вопль:

– Николай! Живой! Это я, Грэг Доминго. Со мной Освальд, Бетти и еще одна женщина. Мы в полном порядке, не считая царапин. Бьем по двери оторванной койкой. Но, кажется, без толку...

– Отличная идея, Грэг, – крикнул ему бывший лейтенант. – Сейчас мы вытащим такой же таран из нашей каюты и ударим синхронно. Но будем бить наискосок, надо вырвать замок.

Гилана, прекрасно расслышавшая каждое его слово, опять нырнула в каюту и вытолкнула остов койки наружу. Крил с Лартой пытались с двух сторон поддерживать стоящего в коридоре Станислава, но тот жестами отказался от помощи, что не могло не радовать.

– Крил, идем со мной, – позвал Матеус.

Вдвоем они заняли удобную позицию, выбрали хороший упор для ног и тщательно примерились, куда бить своим тараном – освещение здесь почти отсутствовало. Затем по команде начали бить в створ двери. Поначалу получалось плохо, но уже с десятого удара тараны стали молотить синхронно с двух сторон. Через минуту замок вывалился из переборки.

Взаимные поздравления и похлопывания по плечам вновь сменились решительными действиями. Оставить хоть кого-то без помощи в замурованных каютах никому и в голову не пришло. Тем более что дальше дело двинулось на удивление легко и слаженно. Несколько ударов связанных вместе кроватей – и замки разлетались вдребезги.

В других каютах в плане пострадавших дела обстояли намного хуже. Помимо того парня, который сломал себе шею в каюте Крила, при страшной посадке погибли еще два человека. Хотя жалеть их особо не стали: один из погибших дрался с Матеусом в невесомости, а вторая уголовница в той же ситуации гонялась за своими более слабыми товарками. Еще десять человек получили травмы средней тяжести и были фактически недееспособны. Их осторожно укладывали или усаживали вдоль стен коридора, а затем по очереди сносили в трюм.

Тех, кто был здоров и передвигался самостоятельно, бывший лейтенант тоном, не терпящим возражений, отправлял в сторону трюма под командование Крила, Освальда и Ларты. Перед ними была поставлена задача: наладить аварийное освещение любой ценой или найти переносные источники света.

По другому коридору двигались с удвоенной осторожностью. Из двух кают на стук никто не отзывался. Еще две другие двери были хоть и покорежены, но ими явно не пользовались. Видимо, здесь никого не поселили. Неспешно обследовав помещения, пошли в конец коридора, но и в последних двух каютах никого не оказалось. Грэг Доминго поглядел на темнеющий провал на месте отсутствующего сегмента створки и сжал от нетерпения кулаки:

– Идем туда!

– Там не только темно, но и Гайс, Мерка, Соляк, Сакус и Метакса, – размышлял вслух Николай, поигрывая швеллером от боковины койки. – Плюс еще два самых отпетых уголовника и их подруга. Хотя именно там должен быть путь в носовую часть корабля...

– Вдруг они найдут оружие? – забеспокоился крестьянин.

– Может и такое случиться. Поэтому нам лучше пока вернуться к трюму и там создать небольшой рубеж обороны.

Сзади слышались легкие шаги, и по переборкам метнулся луч света. В руках у подбежавшей Гиланы поблескивало два мощных фонарика, а на лице светилась сдержанная улыбка.

– Там в трюме нашли два маленьких челнока!

– Целые?! – радостно вскрикнул Николай.

– Да нет, полный металлолом. Оба. Сорвались с креплений при посадке, и один проломил основной борт своим корпусом.

Женщина развернулась и быстро пошла обратно, через плечо отвечая на вопросы раздосадованного Матеуса:

– Оружие нашли?

– Пока ищут.

– А продукты?

– Тоже ищут. Как только наткнулась на фонари, сразу за вами побежала.

На выходе в трюм мужчины выволокли все койки из трех первых кают и с завидной сноровкой сделали из них почти непроходимую преграду.

– На случай непрошенных гостей, – пояснил Матеус подсвечивающей им Гилане. – Грэг, останься здесь и смотри в оба.

Челноки действительно потеряли всю свою красоту и изящество, не говоря уже о практической пользе. Более того, один из них всей кормовой структурой увяз в переборке корабля, и теперь его топливо лилось безостановочным ручейком. На счастье, течь образовалась уже снаружи и ядовитые ингредиенты испарений пока не создавали помех для копошащихся в трюме людей. Бывший лейтенант, чувствуя за спиной дыхание наемной убийцы, первым делом заполз в салон менее помятого челнока, где в приборах усердно копались Крил с Лартой. Розен с гротом ворочал опрокинутые вещи в смежном помещении.

– Оружие нашли?

– Нашли! – чихая от пыли, доложил Розен. – Восемь единиц.

– Где они?

– В карман не положишь, на плечо тоже... Шесть пушек с кумулятивными снарядами и два зенитных пулемета.

Матеус снова сник. Пулеметы можно постараться как-то демонтировать, но вот автоматическую подачу мини-снарядов не стоит и пытаться.

– Аптечки выживания?..

– На обоих челноках всего шесть штук.

– Мало... А что с приборами? Можно наладить связь?

Крил отрицательно мотнул головой:

– Вряд ли. А вот ближнюю связь наладить удалось. Сейчас включим. Вдруг здесь есть какие-нибудь колонии поселенцев. Шахтеры, например...

В эту секунду раздался невероятный грохот и все вокруг затряслось, словно при мощном землетрясении. Все попадали на пол и какое-то время, стоя на четвереньках, пялились друг на друга расширенными от непонимания глазами. Свет мигнул пару раз, но продолжал светить с прежней интенсивностью. Крил клацнул зубами и спросил:

– Что это было?

– Кажется, это твои шахтеры ведут взрывные работы, – пошутил Розен и снова чихнул. – Срочно передавай им сигнал бедствия.

Послышался шорох, и в салон вполз Станислав вместе с Освальдом. Голова у Города была тщательно перебинтована, и говорил он тихо, с трудом:

– В трюме больше нет ничего ценного. На втором челноке лишь две пушки с кумулятивными снарядами. Да в небольшом трюме несколько роботов перемолоты в стружку.

– Плохо, – скривился Матеус – Без препаратов выходить наружу опасно. Но придется хоть разведать, что там такое грохочет. Сделаю уколы себе и...

– Я с тобой, – тут же отозвалась Гилана.

– Хорошо. А вы, ребята, демонтируйте зенитный пулемет и постарайтесь наковырять как можно больше мини-снарядов из раздачи. Хоть одиночными да с перезарядкой, но сможем использовать. Крил, проси эфир о помощи.

Пока они делали себе инъекции, на покореженной панели загорелось несколько лампочек и Крил, напялив на голову шлемофон, монотонно забубнил в микрофон:

– Всем! Наш корабль совершил аварийную посадку! Требуется помощь! Всем, всем. Наш корабль...

– И зачем так кричать? – неожиданно раздался в динамиках спокойный знакомый голос – Ведь все равно никого не дозоветесь: на планете лишь мамонты и динозавры...

– Капитан Мензари?! – воскликнул Крил, удивленно оборачиваясь к своим товарищам.

– Да, это я. – Гаибс говорил с ленцой, не спеша, словно принимал солнечную ванну у теплого моря. – Вижу, вы до челноков добрались, как они там?

Получив от Николая согласный кивок, Крил сообщил:

– Годны только на металлолом. Крепления не выдержали. Но скажите хоть, что это за планета?

– Совершенно дикая. Джунгли, болота, вулканы.

– Так это вулкан так недавно грохотал?

– Он самый. И лава через несколько часов подожжет окружающий нас лес. Крил, где остальные твои товарищи?

Все люди переглянулись, понимая, что бортовой коммуникатор частично еще действует, раз определил электронщика по голосу. Но бывшего лейтенанта в первую очередь заинтересовали события снаружи корабля. Он жестами пояснил Гилане предстоящую задачу и отправил на разведку. Затем Николай протянул руку, получил требуемый шлемофон и водрузил на голову:

– Капитан Мензари! Здесь Матеус. Всех людей мы освободили из кают и эвакуировали в трюм. Восемь человек проникли через разрушенный сегмент перемишки в носовые отсеки. Разыскивать их у нас пока нет ни желания, ни времени. Три человека погибли при посадке. Десять серьезно ранены. Собираюсь выйти наружу для осмотра местности. Какие будут указания?

– Хм... Правильно действуете. И правильно, что не забываете о том, кто здесь капитан.

Возникла пауза, во время которой Николай предупредительно поднял указательный палец, призывая товарищей к полному молчанию. Раз гаибсу есть что сказать, пусть первым и говорит. Наконец Мензари спросил:

– Матеус, вы еще там?

– Да. Жду указаний.

– Обстоятельства немного изменились, – неспешно продолжил гаибс – Поэтому для начала обрисую создавшееся положение. Я дал по краберу запрос о помощи моим близким друзьям и соратникам. Скорей всего, помощь уже в пути. Но несколько дней придется провести в ожидании. Для вашей безопасности понадобится охрана в лице робота Эсехона. Иначе вы и дня не протянете и вся моя работа пойдет насмарку. Я уже и не вспоминаю о тех гаибсах, которые существенно пострадают из-за вашей гибели. Поэтому приказываю оказать полное сотрудничество для вашего же спасения. Понятно?

– Так ведь мы только этим и занимаемся! Мечтаем спасти наши тушки для великих и праведных дел.

– Тогда немедленно приступайте к делу! – Тон гаибса стал приказным. – В трюме находятся неповрежденные источники питания. Надо протянуть кабели от них в колодцы или шахты, ведущие в кормовые отсеки. Там мой робот-товарищ заблокирован продольной деформацией корпуса.

– Странно, – не удержался Матеус от комментария, – такой робот может вырезать дырку в борту любого корабля и выбраться наружу...

– К сожалению, Эсехон не располагает для этого достаточным количеством энергии. Он решил, что нет резона тратить свои силы на бессмысленное барахтанье среди погнутых переборок.

– Понятно. Но где нам взять силовые кабели?

– Они находятся на складе, сразу за вашими каютами.

– Но именно туда ушли восемь человек, в отношениях с которыми у нас самые большие трудности.

– Не беспокойтесь. Восемь человек вышли наружу через разрыв переборки в районе главного шлюза. Аптечек там было больше десятка, и они ими воспользовались. Так что смерть от вирусов им не грозит. Но вот более крупная местная фауна очень скоро может их побеспокоить, поэтому надо как можно скорее пустить робота по их следу. Ваша компания заинтересована в этом больше всего. Чем больше представителей вашей расы погибнет, тем меньше человек сможет взять с собой Станислав Города на путь свободы. А если вас останется меньше сорока, то и ему придется вначале отработать вместе со всеми.

– Тогда мы идем на склад?

– Поспешите! – И гаибс принялся перечислять названия и модификации нужных кабелей с необходимыми разъемами.

На связи осталась одна Ларта, а все мужчины выползли из челнока – и сразу же столкнулись с возвращающейся Гиланой.

– Там снаружи суший кошмар, – начала описывать свои наблюдения женщина. – Корабль лежит на участке поваленного леса, чуть дальше горы и среди них два дымящих вулкана. По склону одного из них действительно ползет лава и часа через три подожжет растительность вокруг корабля. Из-за разлитого топлива эта груда покореженного металла загорится как свечка.

– Вот оно что! – понимающе кивнул бывший лейтенант. – А как выглядит район носовых отсеков с рубкой управления?

– Там из грунта как раз торчит скальное образование, так что, скорей всего, рубка отрезана деформацией от остального корабля.

– Вот и разгадка, почему наш хитрый капитан хочет освободить своего милого, но туповатого робота.

– Почему туповатого? – удивился Розен. – Он даже шутить умеет.

– А потому, что его искусственный интеллект боится потратить свои силы даром. Он, видите ли, просчитал, что выжечь дыру наружу ему не хватит силенок, и готов погибать. Но если мы ему подгрузим энергии, он опять с легкостью восстановит прежнюю власть.

– Но ведь гаибс не знает об утечке топлива под кораблем, – напомнила Гилана. – Он думает, что безболезненно пересидит небольшой пожар в носовой рубке.

– Вот-вот, – вмешался Станислав, – и спокойно дождется спасателей. Поэтому мне кажется, он действительно хочет сохранить жизни пленников. В первую очередь...

– Ничего подобного! – зло воскликнул Матеус – В первую очередь он хочет спасти только себя. А потом уже кого удастся. И знаете почему? Его нейтронно-кварцевые двигатели использовались до последнего момента посадки – иначе мы не погасили бы скорость. А значит, реактор до сих пор не отключен. Через четыре – максимум пять часов будет большой «бум»!

– Попытаемся уйти как можно дальше отсюда! – предложил Освальд.

– И что потом? Без робота планетарной разведки мы не протянем и дня. Да и запасы пищи наверняка где-то в носовых отсеках. Без Эсехона нам по-любому крышка.

Минуту товарищи переваривали полученную информацию, а потом Розен бодро улыбнулся:

– Значит, идем выслуживаться перед капитаном! Спасать его персонального друга-робота! А уж он...

Компания всей гурьбой направилась к забаррикадированному коридору, но Матеус вернул Освальда и Станислава, отправив с ними мощного Грэга:

– Все-таки снимите пока зенитный пулемет, постарайтесь его вытащить сюда и припрятать возле пробоины.

Добрые полчаса вся группа, натужно пыхтя, таскала тяжеленные кабели и, соединяя, опускала в требуемые колодцы. Как там робот до них добирался, было неизвестно, но, когда по кабелям пустили ток, снизу послышался скрежет и противный визг: Эсехон стал выбираться на свободу.

За пять минут до этого Николаи предупредил Мензари о разлитом под всем кораблем топливе. Ведь робот мог выбрать наилегчайший путь, прорезав наружную обшивку, а при этом достаточно хорошей искры для возгорания разлитого топлива. После такого сообщения невозмутимый голос гаибса заметно дрогнул – от испуга или от удивления, а скорей всего, от их совокупности, он сказал уважительно:

– Ребята, с вами можно работать!

Пока робот вырезал проход в трюм, подключили полное освещение и принялись оказывать помощь раненым. Эсехон не стал долго задерживаться возле челноков, только дал полный круг в своем излюбленном стиле «крутой железяки» и помчался освобождать капитана. Естественно, самая боеспособная часть недавних смертников последовала за ним. Втайне люди надеялись отыскать хоть какое-то, желательно небольшое, оружие. Да и вообще, не мешало осмотреться в носовых отсеках. Но Эсехон не был совершенно тупым – довел людей лишь до продуктового склада, заставил набрать припасов, медицинских аптечек, комбинезоны средней защиты в количестве шестидесяти штук и отправил в трюм с приказом:

– Всем немедленно переодеться и покинуть корабль. Тотальная эвакуация!

Снаружи дело, похоже, двигалось к полудню. Безымянная звезда находилась в самом зените и своими лучами пыталась прорваться сквозь задымленную и запыленную пеплом атмосферу. Дышать было трудно, словно в парилке, да и температура воздуха составляла около тридцати восьми градусов по Цельсию.

До открытого пространства, где не было растительности, простиралась трехсотметровая полоса поваленного тормозным выхлопом леса. Так что пробираться через хаос спутанных лиан, стволов и вздыбленных корней приходилось с большими трудностями, а ведь еще нужно было нести на себе раненых и внушительные запасы пищи. За брезентом, палатками, преобразователями энергии и кухней пришлось делать дополнительные ходки всему здоровому составу отряда. Оказалось, что очень много полезного осталось на корабле в хорошем состоянии. Во

время первого выхода взяли лишь самое необходимое для выживания: на случай, если не будет возможности вернуться к кораблю.

Первым на изрезанное оврагами плоскогорье ступил Матеус с тяжеленным пулеметом на плече. Живность здесь наверняка обитала, но сейчас разбежалась, напуганная ревом посадки и неприятными запахами ядовитого топлива. Тем не менее следовало в любой момент ждать их возвращения. Бывший лейтенант остался на плоскогорье, чтобы прикрывать раненых в случае неожиданного нападения. Оставил возле себя и Гилану, обучая, как заряжать громоздкое оружие. Вдвоем это делать было удобнее.

Раненых расположили возле тюков с провиантом, и вся дееспособная часть отряда вновь подалась к кораблю, с опаской поглядывая на близкие джунгли: оттуда уже начинали раздаваться порывания и визги. Мешкать никто не собирался, вещи из трюма забирали с завидной скоростью.

Во второй раз к переносчикам присоединился и Эсехон, под самую завязку нагруженный скарбом для временного лагеря. Кроме того, он откопал в дебрях корабля невинного робота-ходунца и теперь всю использовал своего смышленого меньшего брата. За ними появился и лично капитан Мензари – в скафандре наивысшей защиты с усиленным механическим экзоскелетом и увешанный оружием как новогодняя елка игрушками.

На плоскогорье гаибс выбрался последним. Остановился вместе с Эсехоном возле Матеуса и кивнул на поставленный вертикально пулемет:

– Сумеешь попасть из него в цель? Ведь раньше его наводила автоматика.

– Как раз хочу попробовать.

– Куда? Или в кого?

– Вон среди тех скал видел морду какого-то бронтозавра. Метров пятьдесят...

Робот тут же выдал название массивного травоядного в соответствии с классификацией, сообщив:

– Медлителен, но агрессивен, злобен и очень опасен из-за большой массы. Их еще называют топотунами.

Бывший лейтенант установил пулемет на валун, тщательно прицелился и нажал спуск. Конструкторы пулемета не обеспокоились бесшумностью стрельбы, поэтому гроыхнуло знатно. Бравый стрелок тут же оттянул затвор двумя руками, а Гилана ловко вставила следующий снаряд. Но стрелять больше не пришлось: бочкообразная туша животного лежала на боку, вяло подергивая конечностями.

– Отлично! – воскликнул Мензари и обратился к своему механическому другу: – Эсехон, нам тут ничего не грозит. Отправляйся с людьми за остальными вещами и продуктами. А своего коллегу отправь на поиски восьмерки беглецов. Скорей всего, они в тех скалах с пещерами. Если их еще не пожрали рюкуни, то, может, успеем спасти.

Видимо, уже по ходу произнесения приказ трансформировался по радиолучу в нужном направлении. Робот-ходунец моментально разгрузил взваленное на него добро и резво побежал на длинных ножках в сторону скал. К великому удивлению Матеуса, уже через десять минут оттуда показалась восьмерка растерянных угольников, которых механический поводырь подгонял жуткими, пронзительными звуками сирены и инфразвуком.

Мензари довольно оскалился.

– И на что эти бараны рассчитывали? – поделился он своим недоумением с бывшим лейтенантом. – Вы хоть организовались и оружие нашли. А они... – И когда беглецов подвели вплотную, заорал на них дурным голосом: – Кто вам разрешил покидать корабль?! Отлыниваете от работы?! За это вам двое суток внеочередных нарядов по кухне! А сейчас поспешите к кораблю! Переносить оборудование и вещи для временного лагеря! Бегом!

Метакса, опираясь на импровизированный костыль из обломка ветки, попробовала возражать:

– Господин Мензари! Я ранена!

– Раненые не бегают среди скал! – ответил гаибс и стал демонстративно доставать из кобуры парализатор.

Конвой так бодро рванул с места, что вызвал сдержанный смех лежащих и сидящих на земле раненых. Пряча улыбку, Николай спросил:

– Где предполагаете разбить лагерь?

Вместо ответа последовал весьма странный вопрос, произнесенный шепотом:

– Почему ты решил выпустить робота из ловушки?

– Люблю постоянство и тех, кто выполняет договоры, – после паузы ответил Николай.

– Но ведь и с моими друзьями ты смог бы договориться. Возможно, с ними это получилось бы даже проще.

– Неизвестно, кто они и как себя поведут.

Гаибс в упор заглянул человеку в глаза и пробормотал:

– Ну что ж, меня радует твоя сообразительность.

Но бывший лейтенант просто не стал высказывать все свои соображения вслух. Перед гибелью Мензари обязательно бы уведомил спешащих на помощь друзей о причине своей смерти. И тогда ни о каких конструктивных переговорах не могло быть и речи. Это во-первых, а во-вторых – без робота и корабельных припасов пережить несколько ночей на дикой планете проблематично даже таким отчаянным воинам, как Матеус, не говоря уже про слабых женщин и тяжелораненых. И оба зенитных пулемета не спасут. А умный комплекс планетарной разведки способен и предупредить, и помочь, и защитить... да все что угодно!

Про обвешанного оружием гаибса и говорить не приходилось. Видимого на портупеях комплекта батарей и обойм может хватить на несколько недель правильно организованной обороны. Теперь только бы отыскать хорошее место для лагеря, построить его и терпеливо дожидаться вызванной помощи.

Третья ходка по протоптанной дорожке прошла гораздо быстрее. Хорошо видимый поток лавы заставлял людей торопиться изо всех сил. К тому же большинство из них знали, что в ближайшие пару часов корабельный реактор может взорваться.

Нагруженный до предела Эсехон на ровной поверхности прибавил ходу и, не скидывая груз, подкатил к капитану:

– Вот карта местности. Успел вытянуть последнюю информацию из бортовых данных. Вот здесь, у самых скал, несколько удобных площадок.

– А не слишком ли близко от корабля? – засомневался Мензари. – Как бы нас не накрыло радиоактивным облачком.

– Роза ветров здесь преимущественно с плато, так что нет смысла забираться далеко в горы.

– Хорошо, но как нам лучше передвигаться? Ведь три ходки придется делать. За оставшееся время никак не успеть.

– Пойдем в два этапа. Вон за той невысокой грядой, – клешня робота вполне человеческим жестом указала в направлении горного хребта, – сделаем перевалочный пункт, там выхлоп вас не достанет. А уже оттуда проведем разведку намеченных площадок. Какой груз отправляем первым?

– Раненых, – твердо ответил гаибс – И то, что удастся взять из продуктов. Подгоняй людей, я иду с вами.

Глядя, как недавние смертники прилаживают на плечи рюкзаки и поднимают носилки с ранеными, Мензари протянул Николаю устройство связи:

– Останетесь тут охранять груз. Если мамонты попрут в атаку, зови, не стесняйся.

– Тут и мамонты есть?

– Откуда им взяться, если ледниковым периодом здесь и не пахло, – хмыкнул гаибс – А вот ящеров и бронтозавров хоть отбавляй. И завалил ты, кажется, всего лишь самого маленького из них.

– Кстати об этом «маленьком», – вспомнил Матеус – Эсехон не мог бы убрать тушу куда подальше? А то набегут более крупные хищники на запах крови...

– Верно. Эсехон, дружище! Откати тушку подальше отсюда и отрежь от нее кусок мяса для анализа и пробы: вдруг оно вполне съедобное.

Планетарный робот был мастер на все клешни. Уже через пять минут он откатил тушу в глубокую расщелину, а кусок освежеванного мяса завернул в гигиенический пластик.

Затем капитан разбитого корабля возглавил тронувшуюся колонну. Впереди него шустро семенил робот-ходунец, Эсехон двигался замыкающим. Причем старался делать это так, чтобы все время оставаться на прямой линии между оставшимся в тылу пулеметчиком и впереди идущим гаибсом. Наемная убийца опытным глазом сразу разглядела этот маневр:

– Смотри, как боится, что ты выстрелишь в спину.

– Вряд ли просто разумная предосторожность. Нам нет ни малейшего смысла обрести такую мнимую свободу.

– А если бы тебе удалось захватить крабер? – Разговаривая, Гилана не забывала внимательно осматриваться. – Ведь у него наверняка не один аппарат для галактической связи.

– Наверняка. Но что с них толку?

– Как? Неужели из твоих военных товарищей тебе никто не пришел бы на помощь?

– В Отрог Гаибсов?! Шутишь! Настолько близких друзей у меня не было... – Немного подумав, Матеус признался: – Да и таких, которые бы стопроцентно меня спасли где-то в центре Галактики, – тоже.

– Жаль. И Города никому не доверяет.

– Может, у тебя есть такие верные помощники?

Женщина криво усмехнулась:

– У меня и подавно нет! А те, которым я когда-то безраздельно доверяла, меня же и предали.

Николаю захотелось расспросить более подробно об этих предателях, но, заметив, как женщина плотно сжала губы и нахмурилась, он удержался от вопросов. К тому же со стороны джунглей послышался громкий визг.

– Может, это какой-нибудь дикий кабан? – предположила Гилана.

– Тогда этот кабанчик размером с танк. Смотри, как деревья там дрожат и шатаются!

Пока невидимое животное не выходило на образовавшуюся просеку и передвигалось в гуще зарослей высотой метров пятнадцать. Однако по всему выходило, что двигалось оно в их сторону.

– Роза ветров! – вспомнила Гилана. – Ветер несет запах от нас в его сторону.

– Похоже на то, – согласился Матеус, укладывая пулемет на гору снаряжения. – Зато у нас выгодная позиция, и, как только он покажется, я начну стрелять.

В этот момент хищник появился во всей красе. Люди не были сильны в палеонтологии, поэтому классифицировать увиденную особь не смогли. Лишь выдохнули одновременно:

– Динозавр!

Ящер был метров шесть в высоту, с огромной крокодильей пастью и мощными нижними конечностями, на которых он передвигался довольно шустро. Выйдя на опушку, он на мгновение замер, пытаясь рассмотреть, откуда идет незнакомый запах. И тогда Матеус послал первый мини-снаряд.

На расстояние двести метров меткость стрельбы значительно понижалась, поэтому удар разрывной пули пришелся в бок хищника по касательной. Но бронированная кожа лопнула, доставив динозавру неприятные ощущения. Поросячий визг перекрыл все мыслимые звуковые

барьеры. Пока чудовище от боли безумно вращалось на месте, раздался второй выстрел, еще более неудачный: пуля попала в хвост. Судя по всему, это было уже не столько болезненно, сколько раздражающе. Ящер явно связал огненные уколы с незнакомым запахом и рванулся в атаку. Третья пуля, попавшая точно в шею, заставила его притормозить, но чудовище упорно, хоть и гораздо медленнее, продолжало двигаться вперед. Однако бывший лейтенант приноровился к громоздкому оружию, и четвертый выстрел оказался самый удачным: прямо в пасть. Он насквозь пробил череп и вырвал у чудовища солидный кусок плоти вместе с мозгами.

– Плохо, – проворчал Матеус, недовольный результатом, – пятьдесят метров успел пробежать. Надо будет соорудить на стволе что-то наподобие мушки и пристреляться как следует.

– Помудрим позже, – пообещала Гилана и добавила: – Люди и роботы возвращаются. Может, и успеют все перенести, но лава совсем близко...

Пока делали вторую ходку, пулеметчика с помощницей никто не побеспокоил. Но когда отряд переносчиков стал грузить на себя последние вещи, из леса выскочило сразу три динозавра. Причем эти особи были явно старше и на метр выше своего предшественника. Матеус сразу же хотел стрелять, но Эсехон его остановил:

– Не горячись, человек. Пусть подойдут к трупам. Это же хищники, запах крови должен привлечь их к еде.

– А если нет?

– Так ведь я рядом.

Три хищника осторожно приблизились к истекающему кровью телу, принялись и начали жуткое пиршество.

– Вот видишь, а ты сомневался, – с явным превосходством констатировал Эсехон и командовал остальным людям: – Выступаем! А вы, с пулеметом, двигайтесь справа, посредине и чуть выше. Там несколько бронтозавров маячили.

Обустройство лагеря закончили только поздно вечером. Выбранная площадка между скал, видимо, служила ристалищем для борьбы местных хищников-самцов – она была изрыта когтями и лапами, словно после хорошей вспашки. Это пугало, но Эсехон сумел настоять на своем, заявив, что лучшего места им найти не удалось.

На площадку вело лишь два прохода между отвесных скал. Большой сразу наглухо закрыли направленными взрывами, а меньший, в виде трехметровой арки, лишь завалили огромным валуном, поверх которого осталась полуметровая щель для стрельбы или выхода по надобности. В самом углу площадки шумный поток тонким слоем сбегал по скальному склону и затем нырял в узкую расщелину, решая своим присутствием проблемы с водоснабжением. Судя по всему, теплый ручей образовался недавно по геологическим меркам. Набирать воду казалось немного проблематично, ведь русло еще не пробилося. Но чуть выше находился удобный карниз, по которому можно было дойти до отверстия в скалах, откуда и вырывался поток.

По периметру природной стены робот-паук установил детекторы массы, радары и еще несколько полезных штук, которые могли опознавать и отпугивать животных простым инфразвуком. В тылах площадки находились изрезанные расщелинами скалы, в которых виднелось несколько узких отверстий. Туда послали незаменимого робота на проворных металлических лапах – не хватало еще сражаться с целым выводком рюкуней, животных наподобие гигантской выдры с тигроподобной пастью. Обследование успокоило настороженного Мензари: никто из хищников там не обитал, скорее всего, пещеры были пробиты потоками воды во время обильных ливней. Поэтому палатки располагали с таким учетом, чтобы дождевые воды никого не смыли.

Свою палатку с прочнейшим пластиковым каркасом гаибс установил под удобным скальным козырьком, в глубоком и сухом гроте на лидирующей высоте и теперь со всеми удобствами мог наблюдать за лагерем.

Наказание для восьми сбежавших уголовников не заставило себя ждать: под бдительным присмотром Эсехона штрафники готовили и раздавали ужин. Когда все остальные разошлись спать по своим палаткам, наказанные мыли посуду, убирали в возведенной столовой, а после этого еще и наводили порядок в кое-как сброшенных продуктах: начался сильный ливень, и Эсехон справедливо обеспокоился сохранностью съестных припасов. Более того, наутро наказанных подняли раньше всех и заставили готовить завтрак.

Стоявшие на раздаче каши Гайс и Метакса выглядели бледными, уставшими и такими злыми, что даже улыбающийся Станислав передумал язвительно шутить в их адрес. Только уже сидя за общим столом, великий промышленник презрительно процедил сквозь зубы:

- Лучше бы я сам себе приготовил, чем получать пищу из их рук.
- Не привередничай, – цыкнула на него Гилана. – А то и тебя в наряд на кухню отправят.
- Все лучше, чем бездельничать.
- Сомневаюсь, что мы здесь отдыхать будем, – высказался Розен – и как в воду глядел.

После завтрака гаибс спустился со своих «небес», построил всех работоспособных людей, несмотря на накрапывающий дождик, и стал давать задания:

– С водой нам невероятно повезло! Можно пить, не обеззараживая и не фильтруя. Да и носить издалека работникам кухни не придется. А вот с топливом у нас напряженка. Из моего корабля извлечь больше ничего не удастся, все видели вчера облако дыма, уплывающее в джунгли... – Глаза капитана затуманились от нахлынувших воспоминаний об утрате, и он тяжело вздохнул. – Поэтому необходимо регулярно пополнять запасы древесины для костров. Помимо этого Эсехон провел полный анализ того куска мяса, которое он отрезал от бронтозавра. Метаболитов, опасных для наших организмов, не обнаружено. Значит, мы можем приятно разнообразить наш рацион. Вряд ли кто из вас после тюремного пайка откажется полакомиться жареными на костре деликатесами. Выступаем немедленно, дел на сегодня предостаточно.

Двигаться по расползавшемуся под ногами грунту было сложно, но в остальном дождь досаждал несильно: у комбинезонов были удобные капюшоны, и за шиворот никому не текло. Откатали валун, и Эсехон первым протиснулся в открывшийся проход. За ним последовал штатный охотник с тяжеленным пулеметом и Гилана с двумя поясными сумками с мини-снарядами. Потом и остальные люди поспешили по оставляемой гусеницами колее. Мензари тоже выбрался из природной крепости, но дальше не пошел, решил оставаться в тылах для прикрытия. Крутившегося возле него робота-ходунца отправил к заготовителям.

Прошедший ночью ливень полностью потушил пожарище вокруг корабля, затопив и без того мокрые джунгли потоками воды. Так что дров было навалом. К тому же опушка леса напротив площадки, видимо, тоже нередко использовалась животными для игр или сражений: поваленных стволов хватало с лихвой. Роботы вытаскивали их на открытое пространство, распиливали и без церемоний грузили людям на плечи. Но если Станислав и его товарищи работали азартно, в охотку и с огоньком, то Гайс со своей компанией оглашал окрестности вульгарными ругательствами, стонами и проклятиями. Дошло до того, что гаибс, услышавший такое недовольство, пригрозил ропщущим уголовникам парализатором.

Четыре часа тяжелой и изнурительной работы прошли под аккомпанемент непрекращающегося дождика. А затем заготовители подверглись массовой атаке.

Почему стадо топотунов так долго таилось в лесу, непонятно. Не исключено, что животные подкрались постепенно, прикрываясь густыми переплетениями зарослей. Может, их спугнуло что-то в джунглях, а может, они считали нарушение границы территории кошунством, но вырвались топотуны на открытое пространство, мыча от злобы и на порядочной скорости. Матеус не мешкая открыл стрельбу, и попадания его были идеальными. Только скорострельность у него сегодня плохая: виной тому скользкие от дождя рычаги затвора. В результате этого Гилана получила сильнейший удар по кисти и в дальнейшем вставляла заряды только одной

рукой. Однако им удалось остановить четырех взбешенных животных. Еще четверых обездвижил Эсехон, и одного подстрелил прибежавший на помощь капитан Мензари.

К большому сожалению, твари успели потоптать нескольких человек. Но если две женщины отделались легкими ушибами и одним переломом, то самый нерасторопный мужчина остался втоптаным в раскисший грунт с проломленной головой.

Вот так печально окончилась для заготовителей первая вылазка. Мяса хватит на месяц, а вот «поголовье» людей сократилось до сорока шести. И Станислав Городо во время обеда напомнил о высказываниях гаибса:

– Он говорил про сорок человек. Не нравится мне это...

– Придется присматривать за остальными и оберегать, – кивнул в ответ Николай Матеус.

Во второй половине дня резко усилился ветер с гор, разогнал тучи на небе, и довольно яркие и жгучие лучи местной звезды принялись интенсивно испарять накопившуюся в земле влагу. Продолжать лесозаготовки было не просто бессмысленно – бревен уже накопилось предостаточно, – но и смертельно опасно. Оставленные перед «крепостью» трупы топотунов привлекли такое скопище огромных и свирепых хищников, что одно только зрелище звериного пиршества заставляло вздрагивать даже выдавших виды людей. Некоторые ящеры попытались мордами вытолкнуть валун, закрывавший малый проход, но Эсехон с такими гостями не церемонился: малой мощности удар парализатором по глазам – и ослепленные динозавры с диким визгом уносились прочь, топча при этом более мелких особей.

Большее опасение вызвали попытки гигантских саламандр забраться на окружающие лагерь скалы. Плоские жуткие создания, похожие на десятиметровых крокодилов, оказались весьма проворными скалолазами. Пришлось в четырех местах, по которым пытались взобраться саламандры, подрезать взрывами наклонные скаты скальных пород, тем самым их выравнивая. И только после этого люди смогли спокойно заниматься хозяйственными делами.

Гайсу, Метаксе и шестерым их поделникам, продолжавшим тянуть лямку наряда, выдали клинья, кувалды и заставили раскалывать влажные стволы, а затем раскладывать готовые дрова для просушки. Скальные породы нагрелись до такого состояния, что о них можно было обжечься, поэтому древесина сохла прямо на глазах. А вот сами провинившиеся беглецы с той же скоростью теряли нормальное человеческое выражение лица. Злоба и ненависть так и змеились в каждом их взгляде, брошенном в сторону. Да еще и Эсехон принялся время от времени поучать их, как вкусно будет на заготовленных дровах поджаривать истекающее соком мясо. Видимо, у планетарного робота было развито не только чувство юмора.

Восьми женщинам раздали ножи, и те занялись разделкой мяса. Причем для улучшения вкуса куски мякоти ненадолго погружались в пластиковые мешки с недурно пахнущим маринадом.

Остальным тоже нашлась масса работы по благоустройству лагеря. А вот восьмерке Матеуса, или, как ее стал называть гаибс, «бригаде подскока», дано было отдельное задание. Николай постарался ввести в состав бригады и Бетти, ту самую женщину, которую Метакса пыталась изнасиловать. Мензари немного подумал, согласно кивнул и снял «курочку» с разделки мяса. Зато Станислава Городо решил оставить при себе, – видимо, для новой беседы. А бывшего лейтенанта принялся инструктировать в присутствии всей восьмерки:

– Робот-ходунец из-за массивности не может проверить все ответвления пещер в нашем тылу. Поэтому берите по два фонаря, страховочные линии и разведайте каждую дырку. Лучше сделать это сразу, чем дожидаться, пока оттуда выползет невесть что. Попутно сделаете подробные планы каждого ответвления, в которое удастся протиснуться. Надеюсь, вы справитесь с этим заданием без лишних жертв и ранений. И нечего переглядываться! Или чего-то боитесь?

Николай пальцами изобразил захлопывающуюся пасть:

– А если нас это самое «невесть что»...

– Эсехон сейчас изготавливает восемь полутораметровых кольев, и они вполне могут сойти за приличные копы.

– Поиграем в пещерных людей, – пошутил Розен, но тут же стушевался под недовольным взглядом гаибса: запрет высказываться без разрешения пока не отменялся.

Наказания не последовало, но протяжный вздох капитана заставил задуматься о последствиях. Мензари, возвышающийся даже над Грэггом Доминго, одним своим видом вызывал уважение и опасливую настороженность. Показав в улыбке свои кривые клыки, гаибс продолжил:

– В узком пространстве колья – весьма эффективное оружие. Вдобавок на всякий случай я тебе выдаю вот это. Под личную ответственность.

С этими словами Мензари достал из второй своей кобуры небольшой, но весьма мощный парализующий станер и протянул Матеусу, несказанно удивив этим всех пленников. А уж бывшего лейтенанта и подавно.

– Благодарю за доверие! – отрапортовал Николай.

– Не вздумай его потерять! Сразу после возвращения вернешь мне станер вместе с картой и подробным отчетом.

– Несомненно, капитан Мензари!

– Отправляйтесь! – скомандовал гаибс и величественно удалился в свою палатку в стратегическом гроте. Станислав спешно пожал руки всем членам «бригады подскока» и бросился за капитаном.

– Итак, – приступил к командованию Матеус, – Грэг, Розен – за кольями. Освальд и Крил – за фонарями и батареями к ним. И возьмите три мотка капроновой веревки. Ларта и Бетти – набрать каждому члену отряда по большой фляге воды. А ты, Гилана, проверь этот электронный планшет, будешь в пути наносить координаты.

В гротах, промытых за века водой, действительно было тесновато. В некоторые из них с трудом могла протиснуться лишь юркая и худенькая Бетти, да и то пару раз пришлось вытаскивать ее за ноги из сузившихся тупиков. В правых проходах за несколько часов так ничего найти и не удалось. Зато с левой стороны бригада почти сразу наткнулась на кое-что интересное. В первом же тупичке, уходящем вглубь, из которого застрявшую Бетти вновь вытащили за ноги, женщина что-то заметила.

– Там какая-то дыра, – возбужденно рассказывала юркая разведчица, отплеываясь от попавшего в рот песка. – Я фонарем посветила – темно! Ничего не видно.

– Скорей всего, там небольшая пещера, – предположил Николай.

– Копаем? – тут же отозвался Грэг, подкидывая на руках свое деревянное копы.

– Попробуем. Тем более что осколки и песок здесь наносные. Возможно, здесь раньше бурлил внушительный поток.

Копали торопливо, сменяя друг друга в тесном пространстве. Женщины светили и помогали отгребать назад растущую кучу из мелких камней и слежавшегося песка. Скоро отверстие расширилось до такой степени, что Матеус смог засунуть в темный провал голову и руку и осветил пространство самым мощным фонарем.

– Мама родная! – раздалось его восклицание. – Да здесь не пещера, а целое царство волшебных сосулук! И до пола метра два с половиной, можно легко спрыгнуть. Вот только дырку чуть расширим...

Он сдал назад и пропустил товарищей полюбоваться чудесным видом. Затем отверстие быстро расширили, просто сбивая края наружу, и без труда спустились внутрь.

Пещера действительно поражала величиной и красотой. Тысячи сталактитов свисали сверху, а снизу к ним устремлялось не меньшее количество сталагмитов. И все они в лучах фонарей отсвечивали зеленым и желтоватым мерцанием, а в окружающих породах прыгали солнечные зайчики.

– Ух ты! – первой выразила свое восхищение Ларта. – Неужели это блещут драгоценные камни?!

Лучшим специалистом в геологии оказался Освальд. Он попытался отбить выступающие края пород комлем своего копы и рассмотреть их под лучом фонаря. И сразу высказал свое мнение:

– Ничего ценного. Сильнее всего блещут кусочки черной слюды да расплавленные крупы стекла.

– Но зато как красиво! – восхитилась и Бетти, не преминув при этом похвастаться: – Вот какая я! Без меня бы вы сюда не попали.

– Зато останься ты на кухне, – отозвался Розен со смехом, – лично подала бы нам на ужин самые лучшие кусочки зажаренного мяса.

– Кстати, – Матеус призвал всех к вниманию, – нам пора возвращаться, если хотим попробовать те самые изумительные мясные блюда. Так что быстренько рисуем план каждого изгиба и возвращаемся. Ходить парами, с обязательной подстраховкой!

В данном случае капроновые веревки были жизненно необходимы. К счастью, никто никуда не провалился, но до беды оставался всего один шаг. Розен больше смотрел вверх, чем под ноги, и только внимательная Гилана, идущая сзади него, предотвратила возможное падение.

– Стой! Куда прешь?! – воскликнула она, посветив под ноги.

Вокруг тут же собрались все остальные товарищи. Объединив свет всех фонарей, они попытались рассмотреть широкую трещину в самом дальнем углу пещеры.

– Ух ты!

– Вот это дырища!

– И дна не видно. Уходит прямо вниз и в сторону, под горы. Как она могла образоваться?

– Скорей всего, от землетрясения, – предположил Освальд, а Розен тут же добавил серьезным голосом:

– Или шахтеры выкопали.

– Какие шахтеры? – изумилась Бетти, и Розен нарочито старательно принялся объяснять:

– Вот мы топотунов будем сегодня пробовать?

– Ага...

– Следовательно, кто-то их пасет. А ведь пастухи не могут жить без шахтеров? Не могут! Значит, те этот ход и прорыли.

– Зачем?

– А чтобы ты спросила!

Еще до того как все засмеялись, Бетти поняла, что ее разыгрывают, и замахнулась фонарем:

– Щас как дам... больно!

– Отставить избивать маленьких, – прикрикнул улыбающийся Николай и, еще раз заглянув в щель, покачал головой: – Вниз спускаться нет смысла, опасность оттуда не грозит. Вряд ли кто взберется по ровной отвесной стене.

– Но при сильном землетрясении, – Гилана показала пальцем предполагаемую линию на светящемся планшете, – трещина может увеличиться в том направлении. А там наш лагерь. Помимо этого по ней может устремиться лава из недр этой трясущейся планеты.

– Похоже на то. Ладно, тщательнее просчитаем снаружи. Или ты отказываешься от ужина и продолжишь замеры?

– Хочешь, чтобы меня к себе забрали розеновские шахтеры?

– Только этого не хватало! У нас и так людей мало. Все! Двигаемся в лагерь!

При последних словах Николай пропустил Гилану вперед и машинально придержал ее за талию. Ушедшие вперед товарищи не видели, как наемная убийца резко развернулась и даже

присела, словно изготовилась к прыжку. Но, наткнувшись на удивленный взгляд мужчины и его недоуменное «Ты чего?», тут же поспешила за остальными, кипя от злости. Никогда прежде она не разрешала притронуться к себе подобным образом ни одному мужчине! Долгие годы сексуального воздержания превратили ее в нервную и очень агрессивную при таких прикосновениях особу.

К тому времени как люди выбрались из лабиринта гротов, снаружи уже окончательно стемнело. Никаких лун на небе не наблюдалось, да и звезды не слишком впечатляли мизерными и малочисленными отблесками. Зато два костра горели ярко и красиво, а от запахов жарящегося мяса можно было захлебнуться слюной.

Однако возле импровизированной столовой всей спешащей к столу бригаде опять испортили аппетит. Вначале они чуть не наступили на извивающегося по земле Сакуса. Встречавший их Станислав пояснил:

– Опять впал в истерику, стал выкрикивать нелепости в адрес капитана Мензари, а Эсехон его сразу завалил в живот из парализатора.

– Оказался недоволен своей долей?

– Ага. Кричал, что нельзя держать людей в таких скотских условиях и заставлять так каторжно работать.

– Тоже мне людь нашелся! – Грэг Доминго с презрением сплюнул в сторону стонущего Сакуса. А Крил добавил:

– На настоящей каторге этот слизняк сдох бы в первый же день. Слишком быстро он забыл, что недавно избежал казни.

– Таких уродов лишь могила исправит, – бросил Матеус товарищам и направился к гаибсу, сидящему в сторонке под навесом: – Капитан Мензари, вот станер, использовать не пришлось. Все обследовать не успели, зато нашли огромную пещеру внутри вон той скалы. В ней тоже не оказалось опасных обитателей.

– Ладно, потом покажете составленные вами карты. Можете ужинать.

Но лишь только «бригада подскока» расположилась за столом, как включилась сирена тревоги. К Эсехону поступали данные со всех детекторов массы, расположенных на природной стене, поэтому он первым оказался в курсе происходящего.

– Всем отойти к гротам. Из джунглей вышло что-то огромное и движется в нашу сторону. Инфразвука не боится. Метров пятнадцать высотой, вес около двенадцати тонн.

Уже начавший отход Мензари скомандовал:

– Пулеметчик! На позицию!

Еще раньше была выбрана удобная площадка возле капитанского грота, на правом фланге обороны, откуда прекрасно простреливалась вся скальная стена и почти все открытое пространство за ней. Приближение такого огромного существа могло окончиться весьма печально для лагеря: самое низкое место как раз и было около пятнадцати метров в высоту. Правда, стена там была совершенно отвесной, но ведь и возможностей гигантского гостя еще никто не знал.

Пока Николай и его товарищи бежали к установленному на деревянных треногах пулемету, робот планетарной разведки определился с классификацией зверя:

– К нам пожаловал тираннозавр! Таких огромных особей наверняка еще не наблюдали в истории. Только за одни съемки этого монстра мы можем заработать немалые деньжата!

За спиной Николая запыхавшийся Станислав пробормотал:

– Главное – не заработать деньжата, а с умом их потратить...

Остальные товарищи, чтобы не мешать стрелку, присели на склоне у грота в ожидании представления. Для предстоящей охоты надо было осветить неожиданного визитера.

Наконец Эсехон посчитал, что настал самый подходящий момент, и прибавил громкость своих динамиков:

– Охотник, ты готов?
– Готов! – крикнул Матеус, направляя ствол в непроглядную мглу.
– Тогда стреляй ему прямо в глаз.
– А если эта туша здесь же и дух испустит? Ты сможешь потом отбуксировать его в лес?
– Действительно, – согласился робот, – напрасный труд. Тогда стреляй ему в бок, в район печени – самое слабое место. Если не убежит умирать в джунгли и полезет на скалы, тогда я его встречу гостинцами.

В следующее мгновение два мощных прожектора осветили чудо животного мира.

Экземпляр был просто великолепен. Даже наводя страх своим жутким и несокрушимым видом, он непроизвольно притягивал к себе взоры наблюдателей. Хотелось пристально и неспешно рассмотреть это творение природы, состоящее из стальных мышц, бронированной кожи, двадцатисантиметровых зубов и огромных когтей на передних конечностях.

Когда луч света ослепил тираннозавра, он как раз приняховался. Вытянув голову вперед, чуть пригнувшись, он пытался уловить доносящиеся из-за скальной стены запахи. Недовольный ярким светом монстр грозно рыкнул – словно валуны с гулом прокатились по бетонной трубе, – затем шагнул вперед.

– Стреляй! – гаркнул Эсехон, прекрасно видя все через камеры приборов, и охотник больше не медлил. Пуля пробила бугристую кожу как раз в области предполагаемой печени. Но то ли там была толстая прослойка мышц и сала, то ли печень у таких животных не обладает болевой чувствительностью, но тираннозавр только рыкнул громче и ускорил свое продвижение. В несколько шагов преодолев оставшееся расстояние, он с неожиданной ловкостью встал на выступ правой нижней лапой, а передними ухватился за самый край природной стены и стал подтягиваться, отталкиваясь огромным упругим хвостом.

Вторую пулю Матеус направил точно в локтевой сустав верхней конечности животного. Теперь тираннозавра допекло по-настоящему: со страшным ревом он отпустил верхушки скал и стал заваливаться назад, а когда грохнулся на землю, все задрожало, словно от небольшого взрыва. Из пасти монстра продолжали вырываться оглушительные звуки, постепенно переходя в обиженное повизгивание. Подняться такой туше оказалось весьма проблематично. Лишь прокатившись пару раз по склону, тираннозавру удалось встать на ноги, при этом подстреленная верхняя конечность неестественно свисала вниз.

Но выстрелы сделали свое дело: чудовище озадаченно прислушивалось к болезненным ощущениям внутри и явно отказалось от намерения добыть ароматное кушанье. Обиженно порывая, повизгивая и прихрамывая, оно потопало в джунгли, а люди принялись оживленно обсуждать увиденное:

– Вот это махина!
– И ведь мог запросто через скалы перелезть!
– Что же, его запах мяса жареного привлек?
– Видимо, нравится такое блюдо! Гурман!
– Вот жалость, наши порции остыли.
– Спускаемся вниз?

Тут подал голос Эсехон:

– Отбой тревоги. Быстрее заканчивайте ужин, тут может находиться целое стадо таких великанов. Детекторы и так зашкаливают: видимо, на опушке собрались все хищники из округа и доедают подстреленных нами топотунов.

Глава четвертая

После ужина Матеус и Гилана пошли на отчет к гаибсу, захватив с собой электронный планшет, а остальным было разрешено отдыхать. Эсехон в палатку капитана Мензари не въезжал, но его манипуляторы с камерами нависли над столом совещания.

– Вот эти места мы еще не обследовали, – показывал Николай на большой голографической пространственной карте, созданной прибором над столом. – И здесь, выше, есть несколько щелей. Сама пещера, если верить электронным замерам, находится внутри этой скалы. Толщина переборки здесь всего лишь четыре-пять метров, и это не цельная порода. Скорей всего, здесь тоже была трещина, но ее со временем засыпали рухнувшие обломки камней.

Гаибс в раздумье подвигал своей щетинистой челюстью.

– Предлагаете пробить отверстие и воспользоваться природным сооружением в качестве места для лагеря?

– А почему бы и нет? И дождь нестрашен, и никакой тираннозавр туда не пролезет. Кстати, и кухню там можно устроить, тогда запахи будет уносить сквознячком в щели потолка.

– При сотрясении горной гряды нас могут пронзить падающие сталактиты.

– Сразу после посадки было довольно сильное землетрясение, но никаких рухнувших объектов большого размера на полу пещеры мы не обнаружили.

– Но вдруг эта щель ведет к кипящей лаве? Ведь вулканы не так далеко от нас, – продолжал сомневаться Мензари, но у Матеуса на все были готовы ответы:

– Снизу воздух выходил намного прохладнее, чем средняя температура в пещере.

– При землетрясении все может резко измениться... Если лава брызнет... А ты что скажешь, Эсехон?

– Мне-то что, – послышался голос из динамика в манипуляторе. – Я снаружи останусь.

– Шутник! – буркнул Мензари. – Я серьезно спрашиваю.

– По логике, – стал рассуждать робот, – если лава прорвется именно оттуда, то и здесь нас всех переплавит. Делать нечего, пробьем аккуратный тоннель, а там посмотрим. Воспользуемся или нет, но запасной вариант не помешает.

– Сколько энергоресурса у тебя осталось?

– Пока достаточно. Да и не собираюсь я там корячиться, – со стариковской ворчливостью возмутился Эсехон. – Вон бездельников полный лагерь! Пусть с двух сторон и начинают разборку щели. Я лишь помогу в самых трудных местах.

– На том и порешим! – Гаибс хлопнул ладонью по столу и добавил: – Может, будут какие вопросы и пожелания?

Такое отношение почти «на равных» радовало, но злоупотреблять им не стоило. Поэтому Николай лишь мотнул головой:

– Жизнь прекрасна! А на вопросы нам и Городо ответит.

– Тоже верно. Тогда отдыхайте. А ты, Эсехон, заставь дежурных нагреть несколько ведер горячей воды, хочу искупаться.

Почти в полной темноте спускаясь к своей палатке, Гилана хмыкнула:

– Смотри-ка, нежный какой, без горячей воды и мыться не желает. А ведь в ручье температура не меньше двадцати пяти.

– Ох! – Николай с брезгливостью потер свою липкую от пота шею. – Я бы и сам душ принял, весь в песке после этих гротов и пещер. Кстати, прекрасная идея – можно раздеться и просто лечь в поток. Здорово должно получиться! Пошли, попробуем помыться.

Он первым устремился в дальний конец площадки. Глядя вслед размытому силуэту бывшего лейтенанта, Гилана вдруг словно разделась на две части. Одной хотелось крикнуть

этому солдафону вслед что-то колкое и обидное, развернуться и идти спать. А вторая хотела побежать следом и хотя бы посмотреть, – может, и вправду стоит искупаться?

Вторая сущность тихо и профессионально удавила первую, и Гилана поспешила за бывшим лейтенантом. Но когда они оказались у потока, то с удивлением обнаружили, что их уже опередили: при тусклом свете звезд в струях воды перекачивалось несколько тел. Довольно побряхивали мужики, повизгивали женщины.

– Эй! Кто здесь? – с некоторым напряжением выкрикнул Матеус. Фигуры на покато́м склоне замерли, и голос Станислава Горо́до с иронией спросил:

– А ты ищешь кого-то особенного или пришел с Гиланой?

Нелогичное построение вопроса немного озадачило пришедших.

– Здесь просто здорово! – послышался довольный голос Грэга Доминго, – Освальд вместе с Розеном остались в палатке. Это они вас сюда послали?

– Да нет, мы сами решили попробовать. – Николай торопливо сдирал с себя комбинезон и нижнее белье. – Видимо, наши глупые черепашки тоже не обладают большой фантазией, выбирая, где бы помыться.

– Ау тебя есть варианты получше? – лениво осведомился Крил, шлепая ладонями по воде. – Наивысшее блаженство!

– Не скажи. Мензари, например, греет для себя воду и собирается принимать душ с комфортом. А здесь небось о камни порезаться можно...

– Да ты ложись, – посоветовал Станислав, – чего щупаешь?

Наконец Матеус, оставив на себе лишь облегающие трусы, улегся животом вниз в текущую воду и вздрогнул от удовольствия. Водичка нежно и приятно заструилась по коже, а скала под ней оказалась, как по заказу, и не скользкой, и не колючей – словно тончайшая пемза, прекрасно заменявшая мочалку.

Вскоре рядом прилегла Гилана. Глаза, уже полностью привыкшие к темноте, не различили на теле женщины ни одной детали одежды. Николай скосил глаза на Ларту и Бетти, которые прикрывали интимные места какими-то узкими полотенцами, и у него мелькнула мысль: «Конечно, они перестраховываются. А Гилане чего бояться? Она любого нахала живо приструнит. Хотя ладонью провести по ее фигурке хочется невероятно. Кажется, контуры ее тела намного изящней, чем у Ларты...»

Он перевернулся на спину, не сводя взгляда с лежащей рядом женщины. Но она не спешила повторить его движение. Зато откуда-то сверху раздался довольный голос Грэга:

– Ха! Смотрите, как я придумал!

Мощный крестьянин улегся поперек потока и таким образом собирал перед собой маленькие озерца воды. Потом приподнимался, пропуская озерца под собой, – получалось что-то вроде волн. К нему тут же присоединились Крил со Станиславом, пытаясь действовать синхронно. Теперь волны получались настолько крупные, что окатывали находящихся ниже купальщиков с головой. Это не только добавило удовольствия, но и заставило сдержанно вскрикивающих женщин прилагать усилия, чтобы удержаться на покато́м склоне. В один из таких моментов Гилану чуть не смыло, и она машинально ухватилась за подставленную руку Матеуса. Тот лежал на боку и поэтому без труда потянул к себе ее легкое тело. Да так сильно, что не рассчитал: Гилана фактически упала грудью в его объятия. Ее расслабленное тело мгновенно превратилось в стальную пружину, а из уст послышалось приглушенное рычание:

– Отпусти!

Николай с обреченностью смертника закрыл глаза и, не выпуская бугрившееся мышцами тело, промямлил:

– Извини, я нечаянно... Но разве может такое божественное тело возлежать на простом камне? – тихой скороговоркой добавил он. – Можно я побуду твоим ковриком?

Гилана насмешливо фыркнула, но ее мышцы почти сразу расслабились:

– Руку отпусти.

Николай послушался и открыл глаза, пытаясь рассмотреть выражение лица лежащей на нем женщины:

– Ты не злишься?

– Еще как злюсь! – пробурчала Гилана, скатываясь с него и ложась в поток спиной. – Но... пожалуй, на первый раз не стану тебя делать инвалидом.

– Правильно! Весьма дальновидное и благоразумное решение! – живо согласился Николай, вновь ложась на бок и впиваясь взглядом в возвышающиеся холмики груди. – Я ведь могу тебе пригодиться. А вдруг еще большая волна сверху пройдет? А я тебя опять спасу и вновь с трепетом буду готов стать твоим ковриком.

Сверху продолжались те же игры с водой, и никто на них не обращал внимания. Это немного успокоило женщину, но она с неожиданной ловкостью оттолкнула протянувшуюся к ней руку, словно почувствовав обнаженной грудью ее приближение.

– Слушай, Матеус, ты что, отъявленный бабник?

– Да нет, скорей наоборот. Я всегда как-то робел перед женщинами.

– Что-то непохоже...

– Честное слово! Сослуживцы в увольнительную рвутся, а я в спортзал на тренажеры.

– Почему же со мной себя ведешь как последний развратник?

– Скажешь тоже, – обиделся бывший лейтенант. – Просто... Даже не знаю, как сказать... Просто возле тебя я становлюсь каким-то другим. Мне хочется тебя защитить, обнять, просто дотронуться.

– Ха! Ничего себе! И обнять, и дотронуться!

– А чего ты фыркаешь? У тебя такое прекрасное и манящее тело, что у меня голова начинает кружиться.

– Это у тебя от длительного воздержания кое-что в мозги ударило, – авторитетно заявила Гилана, но при этом голос ее слегка дрогнул.

– Ничего подобного. Я ведь всегда раньше мог себя контролировать. Но возле такого божественного, совершенного тела...

– Тела? Вот заладил! Может, тебе и мое прошлое нравится?

– Нормальное прошлое.

– Но я ведь наемная убийца. Людей убила, может, даже больше, чем ты на войне.

– Насколько я понял, – словно в поисках удобного положения, Николай незаметно переместился к женщине поближе, – ты избавляла наш мир от плохих людей. Я делал то же самое. Значит, мы с тобой вполне подходим друг другу.

– О! Вот уже до чего мы договорились! – экспансивно воскликнула Гилана и демонстративно отодвинулась на гораздо большее расстояние, чем было между ними раньше. – Может, ты предложишь выйти замуж за тебя, и мы сразу же приступим к брачной ночи?

– Нет, это уже слишком, не торопи события, – засмеялся Николай. – Такая поспешность мне претит. Хотя по поводу брачной ночи я готов подумать.

Возня наверху стала стихать, и послышалось деликатное покашливание Станислава:

– Эй, внизу, вы идете?

Гилана хотела ответить согласием, но нежное поглаживание по руке так и остановило ее с приоткрытым ртом. Радуясь повисшей паузе, Николай ответил:

– Несправедливо! Вы уже тут давно, а мы только пришли.

– Ладно. Тогда ждите Освальда и Розена. Они тоже мечтали искупаться.

Через минуту размытые мраком силуэты скрылись в ночи. Николай еще ближе приблизился к Гилане, приподнявшись на локте и наклонясь к ее лицу.

Женщина опять напряглась, но сказала совсем не то, что собиралась:

– Если ты намерен сделать что-то плохое, помни, что рискуешь своим здоровьем.

– Ничего плохого, только хорошее, – прошептал Николай. – Да и какой риск может испугать бывшего смертника, который уже давно числится в списках разложившихся на атомы? И мало кто догадывается, что я попал в настоящий рай...

От соприкосновения их губ Гилана совершенно перестала соображать, лишь все тело отозвалось блаженной и восхитительной истомой...

Ни Розен, ни Освальд так и не показались. Лишь когда дрожащая от возбуждения парочка вернулась в большую палатку, занимаемую «бригадой подскока», выяснилось, что все крепко спят. Все, кроме Бетти. «Курочка» лежала возле самого входа и любовалась на звезды. Заслышав крадущиеся шаги и узнав пришедших, она проворчала:

– Сколько можно вас ждать? Все уже спят.

– Так ведь ждали остальных грязнуль. Почему они не пришли? Да и ты чего не спишь?

– Жду, чтобы закрыть за вами палатку и сообщить, что Освальд и Розен так разоспались к нашему приходу, что категорически отказались идти купаться. Сказали, что сделают это утром.

– Жаль, что мы этого не знали, – с разочарованием прошептал Матеус. Он всем телом потянулся за Гиланой, укладывающейся на свое место, но она лягнула его ногой и озлобленно, но тихо ответила:

– Вот именно! Столько времени потратили даром, вместо того чтобы отсыпаться.

Наемная убийца вначале была рада, что никто не встретил их многозначительными взглядами или коварными вопросами. Но когда Николай обиженно засопел и зашелестел одеялом на своем матрасе, вдруг пожалела о своей грубости. Зря не разрешила ему прошептать пару слов перед сном и поцеловать в шею. Хотя и это не помогло бы снять невероятное и давно не испытываемое возбуждение. Пару часов женщина пролежала неподвижно, без сна, бесцельно глядя в темноту и вспоминая жаркие, приятные поцелуи. Иногда она прислушивалась к дыханию соседей по палатке, пытаясь угадать, все ли спят.

Николай тоже мог оставаться в таком взведенном состоянии до утра, но благоразумно посчитал, что неожиданного счастья он сегодня получил и так предостаточно. Сказалась космофлотская выучка и способность расслабляться в любой ситуации: через полчаса он уже спал чутким и тихим сном.

После утренней побудки почти все обитатели лагеря стали свидетелями невиданного представления. Джунгли до середины деревьев были покрыты утренним туманом. Поэтому верхние части сразу четырех бродящих там тираннозавров смотрелись на удивление эффектно. Поначалу передвижение огромных животных показалось бесцельным и бессистемным, но потом одно из них вышло на опушку и замерло возле кромки тумана, а три других широким кольцом стали сходить в его сторону. Причем шли они не по прямой линии, а зигзагообразно петляя. В результате такой облавы они выгнали на стоящего в засаде тираннозавра стадо из восьми топотунов, которые стали падать под ударами лап, раздираемые когтями и перекусываемые огромной пастью.

Половина топотунов прорвалась мимо зубастой смерти и по большой дуге опять нырнула в джунгли, однако самым большим хищникам планеты хватило оставшихся на завтрак. А скорей всего, и на обед, и на ужин.

В связи с появлением таких опасных соседей Матеусу вместе с Гиланой пришлось провести на своем боевом посту больше чем полдня. Еду и питье им доставляли прямо на карниз, где парочка только тем и занималась, что наблюдала за джунглями, обсуждала действие насыщающихся тираннозавров да рассказывала истории из своей жизни. Вернее, больше рассказывал Матеус, смущая при этом свою помощницу пылкими взглядами и стараясь по поводу и без повода прикоснуться то к руке, то к плечу. А один раз даже не удержался и потянулся целоваться, что привело к вспышке целомудренного гнева со стороны Гиланы:

– Ты что, с ума сошел?! Нас же увидят!

– А что здесь такого? – пожимал плечами покрасневшийся Николай. – Во-первых, в пределах видимости никого нет, а во-вторых, кому какое дело до наших отношений?

Действительно, в самом лагере почти никого не было, лишь две женщины копошились в палатке на кухне. Все остальные были задействованы на выделенных им участках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.